

ДЖЕЙМС КОРИ

ВОИНА КАЛИБАНА

JAMES S. A. COREY
CALIBAN'S WAR

Пространство

Джеймс Кори
Война Калибана

«СОЮЗ»

2012

Кори Д. С.

Война Калибана / Д. С. Кори — «СОЮЗ»,
2012 — (Пространство)

Спустя полтора года после событий на Эросе Солнечная система все еще находится в опасности. Благодаря детективу Миллеру и экипажу Холдена инопланетная протомолекула вместо Земли рухнула на Венеру, но это не покончило с нею. Чужой программный вирус продолжает действовать под густой облачной оболочкой планеты и строит из нее нечто непонятное и по всей видимости очень жуткое и опасное. Вдобавок к этому появилась новая проблема. На спутнике Юпитера Ганимеде некое существо с легкостью уничтожило целый отряд марсианских солдат. Марс винит в случившемся Землю, Земля винит Марс – хрупкий мир снова даёт трещину... А из детского сада похищена дочь ученого-ботаника Праксидика Менга. Безутешный отец обращается за помощью в поисках пропавшего ребенка к Джиму Холдену – капитану ракетноосца «Росинант», занятого от имени Альянса Внешних Планет, благородным делом по борьбе с космическими пиратами. Во время поисков украденной девочки экипаж корабля неожиданно обнаруживает, что в очередной раз судьба всего человечества оказывается в их руках.

© Кори Д. С., 2012

© СОЮЗ, 2012

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Бобби	9
Глава 2. Холден	14
Глава 3. Пракс	18
Глава 4. Бобби	23
Глава 5. Авасарала	28
Глава 6. Холден	34
Глава 7. Пракс	40
Глава 8. Бобби	45
Глава 9. Авасарала	50
Глава 10. Пракс	56
Глава 11. Холден	62
Глава 12. Авасарала	68
Глава 13. Холден	73
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Джеймс Кори

Война Калибана

Бестеру и Кларку, которые привели нас сюда

Пролог Мэй

– Мэй? – позвала мисс Керри. – Отложи, пожалуйста, рисование, тебя ждет мама.

Девочка не сразу поняла учительницу – не потому, что слова были непонятные, в четыре года она уже не лепетала, как маленькая, – а потому, что они не вписывались в ее картину мира. Мама не могла прийти за ней. Мамочка улетела с Ганимеда на станцию Церера, потому что, как сказал папа, ей нужно было немножко времени для себя. Потом сердце у Мэй часто забилося: «Она вернулась!»

– Мама?

Колени мисс Керри загораживали вид на дверь в раздевалку от сидевшей за маленьким мольбертом Мэй. Руки у художницы были липкими от краски: она рисовала пальцами, и на ее ладонях закручивались красные, синие и оранжевые вихри. Девочка наклонилась вперед и уцепилась за ногу мисс Керри – чтобы отодвинуть ее и заодно ловчее подняться.

– Ой – вскрикнула мисс Керри.

Мэй посмотрела на пятно краски, оставшееся на брюках. Широкое темное лицо учительницы выражало сдержанный гнев.

– Извините, мисс Керри.

– Все хорошо. – Интонации голоса женщины означали, что ничего хорошего в этом нет, но наказывать Мэй она не будет. – Пожалуйста, вымой руки и собери краски. А я сниму картину – ты можешь подарить ее маме. Это собачка?

– Это космический монстр.

– Очень славный космический монстр. А теперь, милая, пожалуйста, вымой руки.

Мэй кивнула и, взметнув полы халатика, побежала в ванную.

– И не прикасайся к стенам.

– Извините, мисс Керри.

– Ничего страшного, только, когда отмоешь руки, убери и это пятно.

Мэй до предела повернула кран. Краски, смешавшись, потекли с рук. Вытирая ладошки, девочка уже и думать не думала, чтобы не закапать пол. Казалось, сила тяжести сместилась и повлекла ее к двери в прихожую. Другие ребята, заразившись волнением Мэй, следили, как та отскребает цветное пятно со стены – почти начисто, – потом складывает баночки с красками в коробку, а коробку ставит на полку. Халат она стянула через голову, не дожидаясь помощи мисс Керри, и запихнула его в бачок утилизатора.

В прихожей рядом с мисс Керри стояли двое взрослых, но мамы Мэй здесь не оказалось. Незнакомая женщина опасливо держала наотлет от себя космического монстра и вежливо улыбалась. Вторым взрослым был доктор Стрикланд.

– Нет, с туалетом она очень хорошо освоилась, – говорила мисс Керри. – Конечно, время от времени случаются промахи...

– Конечно, – согласилась женщина.

– Мэй! – воскликнул доктор Стрикланд, подхватив ее на руки. Ростом он был больше папы и пахнул солью.

Качнув Мэй, доктор пощекотал ей бока, и девочка зашлась смехом.

– Большое вам спасибо, – сказала женщина.

– Приятно было познакомиться. – Мисс Керри пожала женщине руку. – Мы рады, что Мэй занималась в нашей группе.

Доктор Стрикланд все щекотал Мэй, пока за ними не закрылась дверь «Монтессори». Только тогда девочка перевела дыхание.

– А где мама?

– Ждет нас, – ответил доктор Стрикланд. – Мы отведем тебя к ней.

* * *

Новые переходы Ганимеда строились широкими и богатыми. Воздухоочистители здесь были почти без надобности, потому что из множества больших гидропонных горшков расходились вверх и в стороны острые как ножи листья пальм арека. Вдоль стен вились широкие желто-полосатые листья чертова плюща, а в самом низу торчали незатейливые клинья тещинового языка. Лампы полного спектра сияли белым золотом. Папа говорил, что именно так светит Солнце на Землю, и Мэй представляла себе планету в виде паутины зеленых коридоров с солнечными полосами в ярко-синем небе-потолке. Ей казалось, что на стены там можно карабкаться и не останавливаться, пока не захочешь.

Мэй склонила голову на плечо доктору Стрикланду и, поглядывая ему за спину, называла все знакомые растения. *Sansevieria trifasciata*. *Eupremnum aureum*. Папа всегда улыбался, когда она правильно произносила названия. А когда она делала это, оставаясь одна, то успокаивалась.

– Еще? – спросила женщина. Она была красивая, но Мэй не нравился голос.

– Нет, – ответил доктор. – Мэй последняя.

– *Chisalipodocarpus lutescens*, – проговорила Мэй.

– Хорошо, – сказала женщина и тихо повторила: – Хорошо. Чем ближе они поднимались к поверхности, тем уже становились коридоры. Старые тоннели выглядели грязнее, хотя на самом деле грязи в них не было. Просто ими дольше пользовались. Здесь, в жилых отсеках и лабораториях, обитали бабушки и дедушки Мэй, когда прилетели на Ганимед. В те времена глубже них ничего не было. Сейчас воздух здесь пах необычно, а воздухоочистители трудились вовсю, гудя и постукивая.

Между собой взрослые не разговаривали, но время от времени доктор Стрикланд вспоминал о Мэй и обращался к ней с вопросами: какой мультфильм по станционному телевидению ей больше всего нравится? с кем она дружит в группе? что сегодня ела на обед? Мэй ждала от него других, привычных вопросов и уже заготовила ответы.

«В горле у тебя не першит?» – «Нет».

«Ты просыпаешься потная?» – «Нет».

«У тебя в попке на этой неделе была кровь?» – «Нет».

«Ты принимаешь лекарства два раза в день?» – «Да».

Но в этот раз доктор Стрикланд ничего такого не спрашивал. Коридоры, которыми они проходили, становились все более старыми и узкими, так что женщине пришлось отстать, чтобы пропускать идущих навстречу людей. Картинку Мэй она все еще держала в руках, свернув в трубку, чтоб не измять.

Доктор Стрикланд остановился у двери без надписи, пересадил Мэй на другой локоть и достал из кармана брелок ручной терминал. Он набрал что-то в программе, которой Мэй раньше никогда не видела, и дверь открылась, хлопнув клапанами герметизации, совсем как в старых фильмах. Коридор за дверью был полон мусора и старых металлических ящиков.

– Это не больница, – сказала Мэй.

– Это особая больница, – ответил доктор. – По-моему, ты здесь еще не бывала, верно?

Мэй решила, что это не похоже на больницу. Скорее на заброшенные тоннели «трубы», о которых ей иногда рассказывал папа. Заброшенные пустоты, которые жители Ганимеда использовали теперь только под склады. Правда, в конце коридора обнаружился шлюз, а помещения за ним больше походили на больницу. Здесь было чище и пахло озоном, как в карантинных боксах.

– Мэй! Привет, Мэй!

Ее окликнул один из старших мальчиков, Сандро. Ему скоро будет пять. Мэй помахала знакомому, когда доктор Стрикланд проходил мимо. Ей стало спокойнее при виде старших ребят. Раз они здесь, наверное, все в порядке, хоть эта женщина и не ее мама. Кстати...

– Где моя мама?

– Мы встретимся с твоей мамой через несколько минут, – сказал доктор Стрикланд. – Только прежде надо сделать пару небольших дел.

– Нет, – сказала Мэй, – я не хочу.

Он пронес ее в комнату, чем-то похожую на врачебный кабинет, только здесь на стенах не было мультяшных львов и столы не изображали ухмыляющихся бегемотиков. Поставив Мэй на смотровой стол, доктор Стрикланд потрепал ее по голове. Мэй сложила руки на груди и недовольно поморщилась.

– Я хочу к маме. – Она раздраженно крикнула, подражая отцу.

– Хорошо, побудь пока здесь, а я посмотрю, что можно сделать, – улыбнулся ей доктор Стрикланд. – Ага?

– Думаю, пора стартовать. Свяжись с рубкой, загружайся и уходи.

– Я дам им знать. Подожди здесь.

Женщина кивнула, и доктор Стрикланд направился к двери. Женщина склонилась к Мэй красивое лицо – совсем без улыбки. Девочке это не понравилось.

– Отдай мою картину, – сказала она. – Это не для тебя, а для мамы.

Женщина, словно только сейчас вспомнив, взглянула на рулон и развернула бумагу.

– Это мамин космический монстр, – пояснила Мэй. Теперь женщина улыбнулась, протянула ей картину, и Мэй поспешно выхватила свое творение. При этом бумага немного помялась, но девочке было все равно. Она снова скрестила руки, поморщилась и крикнула, как папа.

– Ты любишь космических монстров, детка? – спросила женщина.

– Я хочу к маме!

Женщина шагнула к Мэй. Он нее пахло искусственными цветами. Обхватив девочку жесткими тонкими пальцами, она спустила ее на пол.

– Идем, детка. Я тебе что-то покажу.

Когда женщина отошла, Мэй заколебалась. Женщина ей не нравилась, но оставаться одной ей нравилось еще меньше. Она побрела следом. Женщина прошла по короткому коридору, набрала код, и большая металлическая дверь, похожая на старую крышку шлюза, откинулась. В новой комнате было холодно. Мэй это тоже не понравилось. Здесь не оказалось смотровых столов, только большой стеклянный ящик вроде аквариума, но без воды, и внутри была вовсе не рыба. Женщина поманила Мэй ближе и, когда девочка подошла, резко стукнула в стекло.

Существо внутри оглянулось на звук. Это оказался мужчина, но совсем голый, и кожа у него не походила на кожу. Голубые глаза светились, словно в голове у него горела лампочка.

И еще у него было что-то не так с руками.

Он потянулся к стеклу, и Мэй завопила.

Глава 1. Бобби

– Снупи¹опять в наряде, – сказал рядовой Хиллман. – Верно, он здорово разозлил свое начальство.

Сержант артиллерии Марсианского десантного корпуса Роберта Драпер увеличила изображение на налобном дисплее и взглянула в сторону, куда указывал Хиллман. В двух тысячах пятистах метрах от них на фоне сияющего купола маневрировала команда из четырех десантников ООН. Купол теплицы, охраняемый их нарядом, точь-в-точь походил на теплицу, за которую отвечала Роберта и ее люди.

У одного из ооновцев по сторонам шлема темнели черные кляксы – словно уши бигля.

– Точно, Снупи, – согласилась Бобби. – Сегодня он во всех патрулях. Интересно, что натворил?

Наряд по охране теплиц на Ганимеде вынуждал всеми способами разгонять скуку. В том числе – рассуждая о жизни солдат другой стороны.

«Другой стороны»... Полтора года назад не было никаких сторон. Внутренние планеты составляли одну большую, счастливую, малость беспорядочную семью. Потом случилась «история с Эросом», и вот две сверхдержавы разделили между собой Солнечную систему и никак не хотели уступить друг другу Ганимед – хлебную житницу Юпитера.

Ганимед единственный из всех лун обладал магнитосферой, и только на нем оранжерейные посевы могли выдержать жесткое излучение в поясе Юпитера, да и то купола и гражданское население приходилось защищать от восьми ежедневных вспышек, бьющих с поверхности планеты по ее спутникам.

Скафандр, надетый на Бобби, позволял пройти через воронку от ядерного взрыва спустя всего минуту после вспышки. Защищал он и от жара Юпитера.

За спинами патрульных-землян мягко сияли солнечные лучи, уловленные огромными зеркалами на орбите. Большую часть земных растений не спасли бы от солнечного голодания и зеркала. Выжить в этих отраженных лучах могли только модифицированные ганимедскими учеными сорта.

– Скоро заход, – заметила Бобби, поглядывая на землян, окруживших свою караульную будку, и понимая, что те тоже наблюдают за ней. Кроме Снупи она узнала Коротышку – получившего (или получившую) прозвище за рост не больше метра с четвертью. Бобби задумалась, какой кличкой наделили ее саму. Возможно, Большая Краснуха. Ее скафандр был окрашен в маскировочную расцветку для поверхности Марса. Бобби слишком мало прослужила на Ганимеде, чтобы успеть перекрасить его в серый с белыми разводами.

За пять минут одно за другим погасли орбитальные зеркала: Ганимед на несколько часов скрылся за Юпитером. Сияние оранжереи позади Бобби сменилось химическим голубым светом. Сила света не слишком изменилась, но странно, неуловимо сдвинулись тени. Солнце над ними – отсюда не столько диск, сколько очень яркая звезда – вспыхнуло, входя в гало Юпитера, и на минуту выявило тонкое кольцо планеты.

– Они уходят, – сказал капрал Тревис. – Снупи уносит задницу, бедняга. Может, и мы причалим?

Бобби оглядела монотонные серые льды Ганимеда. Холод ощущался даже сквозь усовершенствованный скафандр.

¹ Назван так, видимо, в честь одноименного персонажа комиксов Чарльза Шульца, черноухой собаки породы бигль. – Здесь и далее прим. пер.

* * *

– Не получится.

Ее люди поворчали, но цепочкой последовали за ней в обход купола – медленно, шаркая от низкой гравитации. Кроме Хиллмана и Тревиса, в наряде с нею был зеленый новичок Гураб. Этот уроженец долины Маринера, хоть и провел в десанте примерно полторы минуты, ворчал не тише других.

Бобби их не винила. Бессмысленная работа. Способ занять делом марсианских солдат на Ганимеде. Если земляне вознамерятся захватить спутник, четверка ворчунов на куполе теплицы им не помешает. На орбите столпились десятки военных кораблей Земли и Марса, и если напряжение прорвется, то здесь, внизу, они узнают об этом, только увидев падающие бомбы.

Купол слева от нее поднимался почти на полкилометра: треугольные стеклянные панели разделялись поблескивающей арматурой медного цвета, превращая все сооружение в подобие клетки Фарадея². Внутри Бобби бывать не доводилось. Ее прикомандировали с Марса для усиления группировки на внешних планетах и с первых же суток ежедневно гоняли в пеший патруль. Ганимед представлялся ей космопортом, маленькой базой марсиан, и она научилась называть домом даже крошечный пост охраны.

Шаркая вокруг купола, Бобби озидала унылый ландшафт. Виды Ганимеда менялись только в результате катастроф. Поверхность состояла большей частью из силикатных пород и водяного льда, немногим более теплого, чем космос. Кислородная атмосфера была такой разреженной, что на промышленном предприятии сошла бы за вакуум. Здесь не существовало выветривания и эрозии. Ганимед менялся, когда метеорит падал на его поверхность или когда более теплая вода прорывалась из жидкого ядра наверх, на миг-другой образуя озера. И первое и второе случалось не так уж часто. Дома, на Марсе, пыль и ветер ежечасно создавали новый ландшафт, а здесь Бобби изо дня в день топтала собственные следы, и, если однажды она покинет это место, следы переживут ее. Бобби находила подобное жутковатым, но, конечно, не выдавала страха.

Сквозь привычное шипение и погромыхивание усиленной брони пробился ритмичный скрип. Бобби почти всегда заглушала диагностику скафандра в шлеме. Из нее изливалось столько информации, что часовой узнавал обо всем на свете – только не о том, что было у него перед носом. Сейчас она усилила звук, пролиставла страницы на дисплее морганием и движением глаз. Желтый сигнал предупреждал, что в тяге левого коленного сустава кончается гидравлическая жидкость. Возможно, где-то случилась утечка, но такая мелкая, что скафандр ее не ловит.

– Эй, ребята, одну минутку, – позвала Бобби. – Хилли, у тебя в ранце есть гидравлическая жидкость?

– Угу. – Хиллман принялся доставать баллон.

– Впрысни мне в левое колено, а?

Пока Хиллман сидел перед ней на корточках, Гураб с Тревисом затеяли спор – кажется, о спорте. Бобби отключила их.

– Костюм у тебя дряхловат, – заметил Хиллман. – Надо бы подновить. Такие вещи случаются все чаще и чаще, знаешь ли. – Да, надо бы, – согласилась Бобби, понимая, что это легко только на словах. Ее фигура не укладывалась в стандартный размер, и всякий раз заказ нового снаряжения походил на прыжки сквозь горящие обручи. Своими двумя с небольшим метрами она немногим превосходила средний рост марсианского мужчины, зато, спасибо пред-

² Устройство для экранирования аппаратуры от магнитных полей.

кам-полинезийцам, при одном g весила больше ста кило. Никакого жира, но мускулы как будто нарастали с каждым визитом в весовую. Десантники тренируются ежедневно.

Этот скафандр, единственный за двенадцать лет службы, приходился ей впору. И проще было поддерживать старичка в форме, чем выпрашивать новый.

Хиллман уже убирал инструменты, когда в шлеме Бобби щелкнула рация.

– Пост четыре вызывает Крупье. Ответьте, Крупье!

– Роджер³, четвертый, – отозвалась Бобби. – Здесь Крупье-один, продолжайте.

– Крупье-один, вы где? У вас полчаса опоздания, а тут сверху дерьмо валится.

– Извините, четвертый, проблемы со снаряжением, – ответила Бобби, гадая, о каком дерьме он говорит. Она удивилась, но не настолько, чтобы спрашивать по открытому каналу.

– Немедленно возвращайтесь. Пост ООН открыл огонь. Мы закупориваемся.

Бобби целую секунду обдумывала услышанное. Подчиненные уставились на нее, в их глазах изумление мешалось с испугом.

– Что? Земляне в вас стреляли? – наконец переспросила она.

– Пока не в нас, но стреляют. Давайте сюда.

Хиллман распрямился. Бобби согнула левое колено и получила зеленый сигнал на иконке диагностера. Благодарно кивнув Хилли, она сказала:

– Со всех ног на пост. Ходу!

* * *

Команде Бобби оставалось еще полкилометра до внешнего поста, когда объявили общую тревогу. Автоматическое управление переключило скафандр на боевой режим. Пакет датчиков принялся за работу, высматривая признаки враждебности, и связался с одним из спутников для обзора сверху. Бобби ощутила щелчок: встроенное в правый локотник оружие переключилось в положение «огонь».

Начнись бомбардировка с орбиты – уже были бы тысячи тревожных сигналов, и все-таки Бобби невольно поглядывала в небо. Ни вспышек, ни трасс снарядов, только туша Юпитера.

Бобби продвигалась к форпосту длинными плавными прыжками. Команда молча следовала за ней. Натренировавшийся в скафандре с усиленной тягой человек при низкой гравитации может двигаться очень быстро. Всего через несколько секунд из-за изгиба купола показался пост, и почти сразу стала очевидна причина тревоги.

Атака десанта ООН. Затянувшаяся на год холодная война становилась горячей. В глубине души, под слоями выучки и дисциплины, Бобби удивилась. Она не ждала, что до этого дойдет.

Ее взвод уже растягивался в стрелковую цепь перед постом, лицом к позиции ооновцев. Кто-то вывел на линию Йоджимбо, и четырехметровый боевой механизм возвышался над людьми, словно безголовый гигант в мощной броне. Его массивные орудия медленно выцеplивали наступающих землян. Солдаты ООН двигались, преодолевая две с половиной тысячи метров между постами, спринтовыми рывками.

«Почему все молчат?» – удивилась Бобби. Безмолвие взвода производило жуткое впечатление.

Ее команда уже встраивалась в цепь, когда скафандр выплюнул сдвоенное предупреждение: глушилки. Вид сверху исчез – прервался контакт со спутником. Жизненные показатели и состояние снаряжения ее подчиненных отключились: связь с их скафандрами была оборвана. Смолк и слабый шум помех из открытого канала связи, оставив Бобби в тревожной тишине.

³ Роджер – принятый в американской армии сигнал подтверждения связи. Здесь употребляется в значении «так точно», «понял».

Жестами рук она направила взвод на правый фланг и двинулась вдоль цепи на поиски лейтенанта Гивенса, своего командира. Его скафандр виднелся посреди цепи, прямо под Йоджимбо. Подбежав, Бобби прижалась к его шлему своим.

– Что за хрень, лейти?

Он бросил на нее злой взгляд и проорал:

– Знаю не больше тебя. Приказов остановиться они не слышат – глушилка, а визуальные предупреждения игнорируют. Пока не оборвалась связь, я получил разрешение стрелять, если они приблизятся до пятисот метров.

У Бобби нашлась бы еще сотня-другая вопросов, но ооновцы через несколько секунд должны были пересечь пятисотметровую отметку, поэтому она бросилась на правый фланг, к своим. На ходу она отдала команду скафандру подсчитать наступающих и пометить каждого как противника. Скафандр нашел семь целей. Меньше трети состава ооновского поста. Что за ерунда?

Она настроила скафандр на определение пятисотметровой границы. Ребят предупредить не стала: они откроют огонь вслед за ней, а знать зачем им не надо.

Ооновцы приблизились на километр без единого выстрела. Они бежали разорванной цепью: шестеро – неровным зигзагом впереди, а седьмой – в арьергарде, отстав метров на семьдесят. Скафандр уже наметил цель: крайнего на вражеском левом фланге – ближайшего к Бобби. В подсознании у нее что-то шевельнулось: Бобби перевела управление на себя, выбрала цель в арьергарде и дала увеличение.

Когда маленькая фигурка в зрачке прицела вдруг выросла, у Бобби будто озноб пробежал по спине. Она еще больше приблизила бегущего.

Тот, кто гнал перед собой ооновцев, не носил скафандра. Да и был это, строго говоря, не человек. Его кожу, словно крупная черная чешуя, покрывали хитиновые пластины. Тяжелая голова и вовсе была сущим ужасом: вдвое больше человеческой, вся в странных выступях и наростах.

Но хуже всего оказались руки. Непропорционально вытянутые в сравнении с телом, с очень длинными и узкими ладонями – словно из детского кошмара, – они сжимались, ловя пустоту, с безумной энергией. Земляне не атаковали, а отступали.

– Стреляйте в тварь, что их гонит – ни к кому не обращаясь, прокричала Бобби.

Чудовище догнало ооновцев раньше, чем те пересекли пятисотметровую границу.

– О черт, – прошептала Бобби. – Черт, черт, черт!

Оно схватило десантника огромными лапами и разорвало пополам, как бумажного солдата. Титанокерамическая броня поддалась так же легко, как плоть под ней. Обломки высокотехнологичной начинки скафандра вперемешку с влажными человеческими внутренностями посыпались на лед. Оставшиеся пятеро рванули еще быстрее, но убийство почти не задержало догонявшего их монстра.

– Огонь, огонь, огонь! – прокричала Бобби и выстрелила сама. Выучка и скафандр превращали ее в эффективную машину убийства. Едва пальцы легли на гашетку встроенного оружия, как поток двухмиллиметровых бронебойных понесся в тварь со скоростью тысяча метров в секунду. За мгновение она выпустила пятьдесят пуль. Тварь двигалась относительно медленно, по прямой и представляла собой мишень в рост человека. Компьютер-наводчик в скафандре Бобби позволял попасть в футбольный мяч, даже если бы тот летел со сверхзвуковой скоростью. Каждая пуля, выпущенная по чудовищу, ударила в цель.

И все без толку.

Пули проходили навывлет. Из каждого пробитого отверстия вместо крови вырывался и опадал на снег фонтан черных нитей. С тем же успехом Бобби могла стрелять по воде. Раны закрывались быстрее, чем возникали, и единственным свидетельством попаданий оставался след черных волокон.

Монстр догнал еще одного ооновца и, вместо того чтобы порвать, как первого, развернулся и швырнул землянина в тяжелом скафандре – общим весом более полутонны – в Бобби. Ее собственный скафандр просчитал траекторию и услужливо информировал, что солдат летит не просто в ее сторону, а прямо в нее – по низкой дуге. А значит, быстро.

Бобби нырнула вбок – проворно, насколько позволяла массивная броня. Злополучный ооовец зацепил Хиллмана, стоявшего позади, и оба пропали из виду, покотившись по льду на смертельной скорости.

Пока Бобби поворачивалась к монстру, тот убил еще двоих землян.

Все марсиане, вплоть до Йоджимбо, уже открыли огонь. Двое уцелевших беглецов свернули и разбежались в стороны, открывая марсианам пространство для стрельбы. В тварь попали сотни, тысячи пуль. Она заращивала раны, не останавливаясь, чуть притормаживая только тогда, когда рядом разрывались снаряды Йоджимбо.

Бобби успела подняться на ноги и присоединилась к обстрелу, но ее усилия ничего не изменили. Тварь ворвалась в цепь марсиан и в мгновение ока убила двоих. Йоджимбо скользнул в сторону со скоростью, неожиданной для механизма его размеров. Бобби решила, что им наверняка управляет Саид. Тот хвастался, что при желании заставит машину станцевать танго. Это тоже не помогло. Саид не успел навести орудия для выстрела в упор: тварь набежала сбоку и сорвала с петель дверцу кабины. Саид, вырванный из креплений пилотского кресла, взлетел вверх на шестьдесят метров.

Остальные начали отступать, прикрываясь огнем. Координировать отступление без радио было невозможно. Бобби обнаружила, что вместе со всеми бежит к куполу. Что-то маленькое и далекое в ее сознании сохраняло рассудок и твердило, что стекло и металл не спасут от твари, способной порвать человека в скафандре и взломать девятитонный мех. Та же частица сознания понимала, что с паникой ей не совладать.

Когда Бобби добралась до входа в купол, у двери снаружи оставался последний уцелевший боец – Гураб. Она вплотную видела его лицо сквозь армированное стекло шлема. Солдат кричал, но Бобби его не слышала. Она шевельнула головой, чтобы сблизить шлемы, и тут он ударом швырнул ее далеко на лед. Металлическим кулаком он принялся колотить по контрольному устройству дверей, когда тварь настигла его и одним небрежным движением сорвала шлем. Парень застыл, открытый вакууму, с зажмуренными глазами и разинутым в беззвучном вопле ртом, а потом монстр, так же легко, как мгновением раньше – шлем, сорвал с него голову.

В следующий миг он повернулся и уставился на лежащую навзничь Бобби.

Вблизи стали видны его яркие глаза. Сияющие электрической голубизной, они были прекрасны. Бобби подняла оружие и полсекунды нажимала курок, пока не сообразила, что заряд давно кончился. Монстр глянул на ее ружье – она бы поклялась, что с любопытством, – а потом склонил голову на плечо и посмотрел ей в глаза.

«Ну вот, – думала Бобби. – Вот так я уйду и даже не узнаю, кто это сделал и зачем». Со смертью как таковой она бы смирилась, но умирать, не получив ответов, было ужасно жаль.

Тварь шагнула к ней, остановилась и задрожала. Еще одна пара конечностей вырвалась из середины ее торса и, словно щупальца, закачалась в воздухе. И без того чудовищная голова как будто разбухла еще больше. Голубые глаза вспыхнули ярче ламп купола.

А потом тварь взорвалась огненным шаром, отбросив Бобби на ледяной гребень с такой силой, что антиударный гель в скафандре затвердел, вморозив ее в себя.

Она лежала на спине, уплывая в обморок. Ночное небо над ней запылало огоньками: корабли на орбите стреляли друг в друга.

«Прекратите огонь – думала она, вбивая мысли в черное небо. – Они же спасались. Прекратите огонь». Ее радио молчало, скафандр был мертв. Она никому не могла рассказать, что десант ООН вовсе не атаковал марсиан.

Что это сделал кто-то другой.

Глава 2. Холден

Кофеварка опять сломалась.

Опять.

Джим Холден пощелкал красной кнопкой заварки: знал, что не поможет, но удержаться не мог. Массивная, блестящая кофеварка, рассчитанная на целую команду марсиан, отказывалась сварить ему одну-единственную чашку. И даже не гудела. Даже попытаться не хотела. Холден прикрыл глаза – от кофеинового голода гудели виски – и ткнул в кнопку на ближайшей переборке, открывая связь с командой.

– Амос, – позвал он.

Коммутатор не работал.

Холден обнаружил, что огоньки на панели не горят. Тогда он обернулся кругом и увидел погасшие лампочки холодильника и духовки. Дело было не только в кофеварке: взбунтовался весь камбуз. Холден посмотрел на выписанное карандашом на переборке название корабля – «Росинант» – и проговорил:

– Малыш, зачем ты меня обижаешь, ведь я тебя так люблю!

Открыв ручной терминал, он вызвал Наоми.

Прошло несколько секунд, пока та отозвалась:

– Да, алло?

– Камбуз не работает, где Амос?

Пауза.

– Ты говоришь из камбуза? Притом что мы на одном корабле? Лень сделать шаг до стены?

– Коммутатор на камбузе тоже отказал. «Камбуз не работает» – это не гипербола. Буквально: все отказало. Я звоню тебе, потому что ты носишь терминал с собой, а Амос вечно забывает. К тому же мне он никогда не говорит, где работает, только тебе. Итак, где Амос?

Наоми рассмеялась. Звук был приятный и всегда вызывал у Холдена улыбку.

– Сказал, что намерен сменить кое-где проводку.

– У вас там ток есть? Или мы потеряли управление и вы теперь думаете, как бы помягче сообщить мне эту новость? Холден слышал в микрофоне постукивание. Наоми работала, напевая себе под нос.

– Да нет, – сказала она. – Похоже, без питания остался только камбуз. И еще Алекс предвещает, что примерно через час нас ждет стычка с космическими пиратами. Не желаешь зайти в рубку и подраться с пиратами?

– Я не способен драться с пиратами, не выпив кофе. Пойду разыщу Амоса, – сказал Холден и, отключившись, засунул терминал в карман.

Пройдя к трапу, тянувшемуся вдоль корабельного киля, Холден вызвал лифт. Пиратский корабль выдерживал продолжительный полет только на одном g, поэтому пилот Холдена, Алекс Камал, вел их на перехват на тяге в 1,3, а пользоваться трапом при повышенной гравитации было опасно.

Через несколько секунд переборка, лязгнув, раскрылась, и платформа лифта с визгом остановилась на уровне ног. Холден сделал шаг вперед и ткнул в кнопку машинной палубы. Лифт медленно пополз вниз по шахте, палубные люки на пути его движения открывались и закрывались.

Амос Бартон обнаружился в мастерской на палубу выше машинного зала. На рабочем столе перед ним лежало полуразобранное сложное устройство, а в руках он держал паяльник. Спортивный костюм механика был на несколько размеров меньше нужного и при движении натягивался на широких плечах. На спине читалось прежнее название корабля: «Тахи».

Холден остановил лифт.

– Амос, камбуз не работает.

Механик, не отрываясь от дела, взмахнул толстой рукой. Холден принялся ждать. Еще пару секунд поковырявшись паяльником, Амос отложил инструмент и обернулся к Холдену. – Разумеется, не работает, раз я вывернул из него эту хреновину. – Он кивнул на устройство.

– А обратно не вставишь?

– Нет, пока не могу, я с ней еще не закончил.

Холден вздохнул.

– Обязательно было браться за эту штуку как раз перед схваткой с кровожадными пиратами, оставив нас без камбуза? У меня, знаешь ли, голова разболелась, и я не прочь выпить чашку кофе перед битвой, так сказать.

– Обязательно, – подтвердил Амос. – Объяснить почему или поверишь на слово?

Холден кивнул. Он не слишком тосковал по службе в земном флоте, но порой ему не хватало безусловного почтения со стороны команды. На «Росинанте» авторитет капитана выглядел довольно расплывчатым. Амос отвечал за проводку, и ему в голову не приходило уведомлять Холдена о подробностях своей работы. Холден решил спустить дело на тормозах.

– Ладно, но ты бы хоть предупреждал меня заранее. Без кофе голова так и раскалывается.

Амос с ухмылкой сдвинул шапку на лысой макушке.

– Брось, капитан, здесь я могу помочь. – Он извлек из-за спины, с верстака, большой металлический термос. – Прежде чем отключить камбуз, я сделал запасы.

– Амос, извини за то, что сейчас о тебе подумал.

Механик отмахнулся, возвращаясь к работе.

– Забирай, я уже выпил чашку.

Холден снова вошел в лифт и вернулся на командную палубу, сжимая термос обеими руками, как последний кислородный баллон.

Наоми сидела перед панелью датчиков и связи, следя за погоней. Холден с первого взгляда на экран увидел, что со времени последней оценки положения они сократили разрыв. Он пристегнулся к амортизатору боевого командного поста, открыл ближайший шкафчик и, предвидя в скором будущем переход на десятые доли g или в невесомость, достал себе под кофе питьевую грушу.

Наполняя ее из соска термоса, он сказал:

– Очень быстро сближаемся. Что-то случилось?

– Пиратский корабль основательно сократил ускорение от начального одного g. За пару минут дошли до половины, а с минуту назад вообще прекратили разгон. Как раз перед этим компьютер выявил в выбросе двигателя кое-какие отклонения. Думаю, выдохлись.

– У них поломался корабль?

– Поломался.

Холден сделал долгий глоток из груши, обжег себе язык и не заметил.

– Сколько нам до перехвата?

– Максимум пять минут. Алекс выжидал с финальным торможением, пока ты поднимешься сюда и пристегнешься. Холден стукнул по кнопке «комм-1».

– Амос, пристегнись, до злодеев пять минут. – Переключившись на канал рубки, он спросил: – Алекс, что нового? – Похоже, у них и впрямь поломался корабль, – протянул пилот с отчетливым выговором долины Маринера.

– Кажется, таково общее мнение, – согласился Холден. – Удирать им теперь будет малость потруднее.

Первоначально Марс заселялся китайцами, индусами и техасцами. У Алекса были блестящие черные волосы и смуглая кожа индуса. Землянину Холдену всегда казалось странным слышать тягучую техасскую речь от человека, которому, по всей видимости, полагалось говорить с пенджабским акцентом.

– А нам проще, – подхватил Холден, прогревая панель управления боевыми действиями. – Сравняй скорости на десяти тысячах кмэ. Я запятнаю их прицельным лазером и подключу орудия точечной обороны. Порты труб тоже открой. Примем самый грозный вид.

– Роджер, босс, – ответил Алекс.

Наоми развернулась в кресле, чтобы послать Холдену ухмылку.

– Сражение с космическими пиратами. Как романтично!

Холден не удержался от ответной улыбки. Даже в спортивном костюме марсианского офицера, слишком коротком и ужасно широком на ее тонкой фигуре астера, Наоми казалась ему красавицей. Длинные курчавые черные волосы были небрежно связаны в хвост на затылке, черты лица являли разительную смесь азиатской, южноамериканской и африканской крови, необычную даже для плавильного котла Пояса астероидов. Увидев в затемненной панели отражение темноволосого парня из Монтаны, Холден почувствовал себя простаком-деревенщиной.

– Ты же знаешь, как я стараюсь создать для тебя романтический настрой, – ответил он. – Но, боюсь, твоего энтузиазма я не разделяю. Мы начинали со спасения Солнечной системы от ужасной инопланетной угрозы, а теперь что?

Холден был коротко знаком только с одним копом, да и то недолго. Разбираясь с серией мерзких делишек, известных ныне под кратким названием «История с Эросом», он столкнулся с худым, седым, сломленным человеком по фамилии Миллер. Ко времени их встречи Миллер уже бросил работу в полиции ради своих маниакальных поисков некой пропавшей девушки.

Они так и не стали друзьями, но сумели спасти человечество от безответственных корпораций, заигравшихся с инопланетным оружием, которое прежде астрономы ошибочно принимали за спутник Сатурна. По крайней мере в этом их сотрудничество возымело успех.

Холден шесть лет прослужил во флоте. Ему случалось видеть, как гибнут люди, но только через экран радара. На Эросе он наблюдал ужасную смерть тысяч людей вблизи. Кое-кого убил сам. Он схватил там такую дозу радиации, что вынужден был постоянно принимать лекарства, останавливая расцветающий в его тканях рак. Ему досталось меньше, чем Миллеру.

Благодаря Миллеру инопланетная зараза вместо Земли рухнула на Венеру. Но это не покончило с нею. Чужой программный вирус продолжал действовать под густой облачной оболочкой планеты, и до сих пор никто не предложил более научного объяснения происходящего, нежели: «Хм-м, странно».

Спасение человечества стоило жизни старому усталому детективу из Пояса.

Спасение человечества превратило Холдена в охотника за пиратами на жалованье у Альянса Внешних Планет. Даже в самые неудачные дни он полагал, что ему досталась лучшая доля.

– Тридцать секунд до перехвата, – предупредил Алекс.

Холден вернулся к настоящему и вызвал машинный зал. – Ты там хорошо пристегнулся, Амос?

– Роджер, кэп. Все готово. Смотри не подставь моего питомца под выстрелы.

– Сегодня стрельбы не будет, – ответил Холден, уже отключившись. Его услышала Наоми и вопросительно подняла бровь. – Наоми, установи связь. Хочу потолковать с этими приятелями.

Спустя секунду на его дисплее появилось управление связью. Холден навел луч на пиратский корабль и, выждав, пока загорится зеленый сигнал, заговорил:

– Неопознанный легкий грузовоз, говорит капитан Джеймс Холден с ракетноносца Альянса Внешних Планет «Росинант». Прошу ответить.

Тишину в его наушниках нарушал только легкий шум фоновой радиации.

– Слушайте, ребята, я не шучу. Мне известно, что вы меня знаете. И еще известно, что пять суток назад вы атаковали продовольственный грузовик «Лунатик», отключили его двигатели и украли шесть тысяч кило протеина и весь их воздух.

Мне этих сведений вполне хватает.

Снова шум помех.

– Вот мое предложение. Мне надоело за вами носиться, и я не позволю вам протянуть время, чтобы починить корабль и снова задать мне веселую гонку. Если вы не сдадитесь без всяких условий, я выпущу пару торпед с плазменными боеголовками и превращу ваш кораблик в раскаленный шлак. А потом полечу домой и хорошенько выплещусь.

Помехи наконец пререзал мальчишеский голос – слишком молодой для пирата.

– Вы не имеете права! АВП – не настоящее правительство. По закону вы не вправе меня угробить, так что валите на хрен – протараторил голос, то и дело угрожая сорваться и дать петуха.

– Да что ты? И больше тебе сказать нечего? – ответил Холден. – Слушай, забудь на минутку о законах и конституционных правах. Взгляни на радарную картинку моего корабля. У тебя грузовик-развалюха, на который кто-то припаял самодельную гауссову пушку, а у меня новейший марсианский торпедоносец с вооружением, способным расплавить небольшую луну.

Голос на другом конце связи молчал.

– Ребятки, вы можете не признавать меня законным представителем власти, но согласитесь, что подорвать вас я могу в любую минуту.

Связь молчала. Холден вздохнул и потер переносицу. Кофеин не прогнал головную боль. Оставив открытым канал связи с пиратами, он вызвал другой канал – пилотскую кабину: – Алекс, прострели этот грузовик из носового точечного. Целься по киллю.

– Стойте – завопил мальчишка. – Мы сдаемся, господи боже!

Холден потянулся, наслаждаясь невесомостью после многих дней на тяге, и усмехнулся сам себе. Сегодня обойдется без стрельбы.

– Наоми, скажи, чтобы наши новые друзья передали тебе удаленный контроль над кораблем. Отведем их на Тихо – пусть трибунал АВП решает. Алекс, как только они наладят свой движок, составь возвратный маршрут на уютном пол-г. А я в медотсек, поищу аспирин.

Холден отстегнул крепления амортизатора и толкнулся к палубному трапу. В полете у него запищал ручной терминал. Вызывал Фред Джонсон, номинальный глава АВП и их покровитель на промышленной станции корпорации Тихо, служившей ныне де-факто штаб-квартирой АВП.

– Ну, Фред, поймали мы мерзких пиратов. Везем на суд.

Темное лицо Фреда сморщилось в улыбке.

– Вот это новость. Надоело их взрывать?

– Нет, просто наконец нашлись такие, которые поверили мне на слово.

Ухмылка Фреда сменилась озабоченным выражением.

– Слушай, Джим, я не потому звоню. Вы мне срочно нужны на Тихо. На Ганимеде что-то случилось...

Глава 3. Пракс

Праксидик Менг стоял в дверях базового амбара, озирая поля мягко колыхавшихся, зеленых до черноты листьев, и боялся. Потемневший купол возвышался над ним. Необходимый посевам свет погас, а зеркала... о зеркалах лучше было не думать. Всполохи боевых кораблей напоминали искры на дешевом экране, эти краски и мелькания казались здесь неуместными. Знак – что-то пошло очень не так. Менг облизал губы. Он верил, что должен найтись способ. Способ все это спасти.

– Пракс, – позвала Дорис, – нам надо идти. Сейчас же.

Передовой край агробиологии низких ресурсов, «глициновый кеннон», сорт сои, модифицированный настолько, что представлял собой новый вид. На него ушло восемь лет жизни. Из-за него родители до сих пор не видели внука в лицо. Та соя и еще кое-что прикончили его брак. Пракс видел в поле восемь слегка различных линий генно-модифицированных хлоропластов – состязавшихся друг с другом за выработку наибольшей порции протеина на фотон. Руки у него дрожали. Его тошнило.

– До удара пять минут, – сказала Дорис. – Надо эвакуироваться.

– Я его не вижу, – ответил Пракс.

– Оно приближается так быстро, что ко времени, когда его станет видно, видеть будет некому. Все уже ушли, мы последние. Давай в лифт.

Большие орбитальные зеркала он всегда считал своими союзниками: они освещали поля сотнями бледных солнц. Он не мог поверить, что они его предали. Безумная мысль. Зеркало, валящееся на поверхность Ганимеда – на теплицы, на его сою, на труд его жизни, – оно ничего не решало. Оно – жертва причинности и физических законов, как и все остальное.

– Я уйду, – сказала Дорис. – Если останешься, умрешь через четыре минуты.

– Подожди, – сказал Пракс и выбежал в купол. На краю ближайшего поля он упал на колени и запустил руки в черную почву. Она пахла, как хорошие пачули. Он зарылся пальцами вглубь, подхватил клубни. В его ладонях оказалось маленькое хрупкое растение.

Дорис была уже в грузовом лифте, готовом опуститься в пещеры и тоннели станции. Пракс бросился к ней. Теперь, когда он спасал растение, купол вдруг показался страшно опасным. Едва ботаник ввалился в дверь, Дорис тронула пальцем дисплей управления. Широкие металлические двери качнулись, сдвинулись, и лифт пошел вниз. Обычно на нем перевозили тяжелое оборудование: культиваторы, трактора, тонны гумуса, извлеченного из утилизаторов станции. Теперь здесь было только трое: Пракс, сидевший на полу, поджав ноги, росток сои у него на коленях и Дорис, вглядывавшаяся в свой терминал, закусив нижнюю губу. Лифт казался слишком большим для них.

– Может, зеркало пролетит мимо, – сказал Пракс.

– Может. Но там тысяча триста тонн стекла и металла. Будет довольно сильная ударная волна.

– Купол может выдержать.

– Нет, – сказала она, и Пракс перестал с нею разговаривать.

Кабина гудела и лязгала, уходя в глубину под поверхностным льдом, соскальзывая в паутину тоннелей, составлявших основную массу станции. Воздух пах нагревательными элементами и технической смазкой. Пракс все еще не мог поверить в случившееся. В то, что ублюдки-военные начали стрелять. Никто, нигде не может быть таким близоруким. Хотя, как выяснилось, все-таки может.

За месяцы, прошедшие с раскола между Землей и Марсом, он от постоянного гложащего страха перешел к осторожной надежде на примирение. Каждый день без событий свидетельствовал, что ничего не случится и впредь. Он позволил себе думать, что положение куда устой-

чивее, чем представляется. Даже если дела пойдут плохо и начнется стрельба, это будет не здесь. Ганимед ведь их всех кормит. Магнитосфера делает спутник самым безопасным родильным домом, с минимальным для внешних планет уровнем врожденных пороков и мертворожденных детей. Здесь находился центр всего, что обеспечивало экспансию человечества в космос. Их труды стоили так дорого и были так хрупки, что те, наверху, не имели никакого права допускать сюда войну.

Дорис невнятно выругалась. Пракс взглянул на нее: она провела пальцами по редким седым волосам и сплюнула в сторону.

- Разрыв связи. – Дорис подняла вверх ручной терминал. – Всю сеть вырубili.
- Кто?
- Безопасники, ооновцы, Марс – откуда мне знать?
- Но если они...

Словно удар гигантского кулака обрушился на крышу кабины. Сработали аварийные тормоза, их лязг отозвался в костях. Погас свет, тьма продолжалась два частых, как у колибри удара сердца. Потом загорелись четыре светодиодные аварийки и снова погасли, когда автоматы подали полное питание на кабину. Заработала диагностика серьезных неполадок: гудели моторы, щелкали переключатели, интерфейс проверял все суставы, словно атлет, разминающийся перед рывком. Пракс встал, подошел к панели управления. Датчики в шахте показывали, что давление, и без того минимальное, продолжает падать. Лифт вздрогнул: где-то над ними закрылась герметичная переборка, и наружное давление поползло вверх. Воздух из шахты вынесло в пространство раньше, чем сработала аварийная система. Его купол поврежден.

Его купола больше нет.

Он закрыл рот ладонью и только потом сообразил, что измазал грязью весь подбородок. Часть сознания прикидывала, что необходимо сделать для спасения проекта: связаться с правлением на RMD-южном, переписать заявку на грант, восстановить данные для воссоздания жизнеспособных образцов, – а другая часть замерла, застыла в жутком спокойствии. Так, двумя людьми – один отчаянно пытается спасти положение, а другой уже впал в ступор безнадежности, – Пракс чувствовал себя в последнюю неделю перед разводом.

Дорис обернулась к нему, ее полные губы тронула усталая улыбка. Она протянула руку.

- Приятно было работать с вами, доктор Менг.

Кабинка дрогнула: втянулись аварийные тормоза. Издалека донесся еще один толчок. Падение зеркала – или корабля. Или солдаты на поверхности выковыривают друг друга из скорлупы. А может, и бой в глубине станции, как знать. Он пожал протянутую руку.

- Вы оказали мне честь, доктор Бурн.

Они почтили свою прошлую жизнь долгой минутой молчания. Дорис вздохнула.

- Ну ладно, – сказала она, – давайте выбираться.

* * *

Помещение группы, куда ходила Мэй, располагалось в глубине Ганимеда, но от выхода из лифта было всего несколько сотен ярдов до станции «трубы» – и по ней несколько минут экспрессом. Впервые за три десятилетия жизни на Ганимеде Пракс заметил, что здесь есть аварийные двери.

Перед закрытой станцией стояли четверо солдат в массивных броневых костюмах, расписанных бежевыми и стальными линиями – камуфляж под отделку коридоров. Держа штурмовые винтовки устрашающей величины, они мрачно поглядывали на окружившую их кучку людей.

– Я сотрудник транспортного управления, – втолковывала высокая худая темнокожая женщина, после каждого слова тыча пальцем в нагрудник часовому. – Если вы нас не пропустите, наживете неприятности. Серьезные неприятности. – Это надолго? – спросил какой-то мужчина. – Мне нужно домой. Надолго это затянется?

– Леди и джентльмены— Стоявший слева солдат оказался женщиной. Ее сильный голос прорезал ропот толпы, как голос учительницы в шумном классе. – Объявлено чрезвычайное положение. До окончания военных действий переход между уровнями – только для уполномоченных сотрудников.

– Вы-то на чьей стороне? – крикнул кто-то. – Марсиане, что ли? Вы за кого?

– А пока... – женщина пропустила выкрик мимо ушей, – мы просим вас проявить терпение. Как только движение станет безопасным, станции «трубы» откроются. До тех пор мы рекомендуем вам ради вашей же безопасности сохранять спокойствие.

Пракс не собирался вмешиваться, пока не услышал собственный голос – тонкий и жалобный:

– У меня дочь на восьмом уровне. У нее там детская группа.

– Все уровни изолированы, сэр, – заверила женщина в форме. – С ней ничего не случится. Потерпите.

Темнокожая из транспортного управления скрестила руки. Пракс заметил, что двое мужчин выбрались из толпы и, переговариваясь, ушли в узкий грязноватый коридор. Здесь, наверху, в старых тоннелях, пахло утилизатором: пластиком, гарью и химией. А сейчас – еще и страхом.

– Леди и джентльмены, – прокричала старшая из солдат, – ради вашей собственной безопасности сохраняйте спокойствие и оставайтесь на месте, пока не закончится военное положение.

– А что там сейчас творится? – жадно спросила женщина из-за плеча Пракса.

– Ситуация быстро развивается. – Ее голос чуть заметно дрогнул. Солдаты боялись не меньше других. Только у них было оружие.

Здесь он ничего не добьется, надо искать другое средство. Все еще держа в руках свой последний глициновый кеннон, Пракс отошел от дверей станции.

Ему было восемь лет, когда отец из многолюдного центра Европы привез его на Ганимед. Отец участвовал в создании новой лаборатории. За восемь лет строительства Пракс пережил бурный подростковый период. Когда родители стали собираться на новую работу – на астероид с эксцентрической орбитой близ Нептуна, – Пракс остался. Он занялся ботаникой в надежде научиться растить нелегальную, не облагаемую налогами марихуану и быстро уяснил, что каждый третий студент лелеет те же планы. Четыре года он потратил на поиски забытого склада или заброшенного коридора, еще не занятого другими экспериментаторами, и за это время научился чувствовать архитектуру тоннелей.

Он прошел старыми узкими шахтами первого поколения. Люди сидели вдоль стен и наблюдались в бары и рестораны; все лица были пустыми либо выражали страх или злость. На экранах крутили старые развлекательные программы: музыку, спектакли, абстрактное искусство – что угодно, кроме обычных новостных программ. Ни один из личных терминалов не звенел, возвещая о входящих сообщениях.

Пракс нашел то, что искал, у центрального воздуховода. У транспортных рабочих всегда где-нибудь валяются старые электроскутеры, хотя никто ими больше не пользуется. У Пракса, как у старшего научной группы, на ручном терминале был допуск за ржавеющее ограждение. Он нашел скутер с коляской и половинным зарядом аккумулятора. Семь лет он не садился на скутер. Положив глициновый кеннон в коляску, он прошелся по диагностике и вывел машину в коридор.

Первые три эстакады охранялись так же, как станция «трубы». Пракс не стал даже останавливаться. Четвертая вела в служебный тоннель от складов вниз, к реактору. Здесь никого не было. Он постоял, заглушив мотор. В воздухе висел острый запах кислоты – от чего, непонятно. Понемногу проступили и другие детали: выжженные следы на стене, темное пятно на полу. Пракс услышал отдаленные хлопки и спустя три или четыре долгих вдоха понял, что это выстрелы.

«Ситуация быстро развивается» – очевидно, это означало бои в тоннелях. Воображение нарисовало яркую, как воспоминание, картину: классная комната Мэй пробита пулями и залита кровью. Паника, накатившая на него в куполе, вернулась, стократно усилившись.

– С ней все хорошо, – сказал он ростку в коляске. – Они не устроят боя на школьном этаже. Там же дети!

Черно-зеленые листики уже привяли. Нельзя воевать там, где есть дети. И поставщики продовольствия. И хрупкие агрокупола. Руки опять дрожали, но он все-таки удерживал руль.

* * *

Первый взрыв он услышал, съезжая по эстакаде с седьмого на восьмой уровень вдоль недостроенной, огромной, как собор, каверны, заполненной звуком капли от тающего на стенах льда. Это было нечто среднее между огромным ангаром и произведением искусства. Что-то вспыхнуло, громынуло, и его скутер занесло. Быстро надвинулась стена – Пракс едва успел отдернуть ногу, уходя от удара. Над ним кричали голоса. Военные наверняка были в скафандрах и переговаривались по радио. По крайней мере, так ему представлялось. Люди, что вопили наверху, – это были просто люди.

Второй взрыв выщербил стену каверны, глыба бело-голубого льда размером с трактор медленно отвалилась от потолка и ударилась о пол. Пракс с трудом удержал скутер. Сердце грозило проломить ребра.

На верхнем конце изогнутой эстакады он увидел фигуры в броне. Пракс не сумел бы отличить ооновцев от марсиан, но один из солдат, обернувшись, поднял винтовку. Пракс дал газу, уходя вниз. Его догнал треск автоматной очереди, запах дыма и облако пара.

Двери группы оказались закрыты. Он не знал, как это воспринимать: как угрозу или надежду. Остановил виляющий скутер, спрыгнул с него, едва удержавшись на подгибающихся ногах. Хотел аккуратно постучать по стальной вертикальной створке, но с первого удара рассадил кожу на костяшках.

– Откройте, здесь моя дочь! – Он принялся орать как сумасшедший, и кто-то внутри услышал его или увидел через камеру наблюдения. Створка дрогнула и начала подниматься. Пракс упал на четвереньки и прополз под ней.

Он всего несколько раз встречался с новой преподавательницей, мисс Керри, когда отводил Мэй в группу или забирал ее домой. Это была девушка не старше двадцати, по-астерски высокая и тонкая. Прежде ее лицо не казалось таким бледным.

Впрочем, классная комната сохранилась в целости. Дети, стоя кружком, распевали песенку про муравья, бороздившего космос, с рифмами на названия крупных астероидов. Ни крови, ни пулевых пробоин, хотя из вентиляции тянуло горелым пластиком. Он должен увести Мэй в безопасное место. Пракс обвел глазами кружок детей, отыскивая ее личико, ее волосы. – Мэй здесь нет, сэр. – Голос мисс Керри звучал приглушенно и в то же время срывался на вдохах. – Ее утром забрала мать.

– Утром? – повторил Пракс, зацепившись за слово «мать». Что делает Никола на Ганимеде? Он всего два дня назад получил от нее сообщение по поводу выбора детской группы – за два дня с Цереры до Ганимеда не доберется.

– Сразу после завтрака, – подтвердила учительница.

– Вы хотите сказать, ее эвакуировали? Кто-то эвакуировал Мэй?

Еще один взрыв сотряс ледяную массу астероида. Один ребенок испуганно взвизгнул. Учительница обернулась к детям, затем снова к Праксу. Понижила голос:

– Мать зашла за ней сразу после полдника. Она забрала Мэй. Ее весь день не было с нами.

Пракс вытащил свой терминал. Связь по-прежнему лежала, но заставкой экрана служил снимок с первого дня рождения Мэй, с тех времен, когда все было хорошо. Целую жизнь тому назад. Он вывел снимок на экран и указал на Николу, смеющуюся над пухлым ярким свертком с дочерью.

– Она? – спросил он. – Она приходила?

Смятение на лице учительницы ответило за нее. Ошибка. Некто – новая няня, социальный работник или кто-то еще – зашел за ребенком и взял не того.

– Она была на компьютере, – оправдывалась девушка. – Была в системе. Система показала ее.

Лампочки моргнули. Запах дыма усилился, воздухоочистители загудели громче, стали потрескивать, вылавливая летучие частицы. Мальчик, кажется знакомый, захныкал, и учительница машинально обернулась было к нему, но Пракс поймал ее за локоть.

– Нет, вы ошиблись, – сказал он. – Кому вы отдали Мэй? – Система подтвердила, что это ее мать. У нее была идентификация. Все правильно.

В тоннеле приглушенно застучали выстрелы, кто-то в коридоре завопил, и тогда закричали все дети. Учительница отдернула локоть. Кто-то ударил в створку наружной двери. – Ей около тридцати. Темные глаза и волосы. Ее сопровождал врач, она была в системе, и Мэй охотно пошла с ними.

– Они взяли ее лекарства? – спросил он. – Лекарства взяли?

– Нет. Не знаю. Кажется, нет.

Пракс не сдержался, встряхнул женщину. Один раз, но сильно. Если у Мэй нет лекарств, она уже пропустила полуденную дозу. Она может продержаться до утра, а потом ее иммунная система пойдет вразнос.

– Покажите мне, – сказал он. – Покажите фото. Женщины, которая ее забрала.

– Не могу. Система повисла, – выкрикнула учительница. – За дверью людей убивают!

Кружок распался, дети криками будоражили друг друга. Учительница плакала, закрыв лицо руками. Кожа ее побледнела до синевы. Пракс чувствовал, как мозг охватывает дикая, звериная паника. Прежнее тупое спокойствие стояло рядом. – Здесь есть пути эвакуации? – спросил он.

– Нам сказали оставаться здесь, – возразила учительница.

– А я говорю – эвакуируйтесь, – сказал Пракс, думая при этом: «Я должен найти Мэй».

Глава 4. Бобби

Контузия отозвалась яростным гулом в ушах и болью. Бобби моргнула, пытаясь разогнать туман и сообразить, где она. Ее сводили с ума пятна перед глазами. Гул превратился в гудки аварийной системы скафандра. Перед лицом вспыхивали цветные огоньки: компьютер посылал сигналы, но прочесть их она не могла. Шла перезагрузка, и тревожные гудки раздавались непрерывно. Бобби попробовала шевельнуть рукой и выяснила, что слабость слабостью, но она не парализована и не закована в лед. Противоударный гель вернулся в жидкое состояние.

Что-то двигалось за окошком лицевого щитка. Чья-то голова появлялась и пропадала из вида. Щелчок: кто-то подключился к наружному порту скафандра. Значит, свой, скачивает показания о ранениях.

Молодой мужской голос в наушниках шлемофона проговорил:

– Вот ты где, сержи⁴. Нашли мы тебя. Все о'кей, только потерпи.

Человек еще не кончил говорить, когда Бобби снова вырубилась.

* * *

Она очнулась, обнаружив, что качается на носилках, а вокруг тянется длинный белый тоннель. Скафандра на ней уже не было. Бобби испугалась: вдруг медтехники, чтоб не тратить время, не стали снимать его по правилам, а разнесли по швам и суставам? Такой способ помогал быстро освободить раненого от четырехсот кило бронирования, но уничтожал доспех безвозвратно. Бобби охватило острое чувство вины перед верным старым скафандром.

Секундой позже она вспомнила, что у нее на глазах разнесли на куски весь взвод, и грусть по скафандру показалась мелочной и постыдной.

Толчок носилок отдался в позвоночнике ударом молнии и отбросил ее обратно в темноту.

* * *

– Сержант Драпер, – сказал кто-то.

Бобби хотела открыть глаза, но не смогла. Веки весили по тысяче кило, и одна эта попытка отняла все ее силы. Она попробовала ответить и устыдилась своего невнятного, будто пьяного, бормотания.

– Она в сознании, но едва-едва, – проговорил над ней низкий, мелодичный мужской голос, полный тепла и заботы. Бобби хотелось, чтобы голос продолжал звучать, чтобы убаюкал ее. Другой голос – женский, резкий – ответил:

– Дадим ей отдохнуть. Полностью приводить ее в сознание пока опасно.

Первый голос сказал:

– Даже если это ее убьет, мне нужно поговорить с нею, и сейчас же. Так что дайте ей все, что для этого требуется.

Бобби улыбнулась про себя: смысл слов до нее не доходил, она воспринимала только ласковый, теплый тон. Хорошо, когда о тебе заботится такой человек. Она начинала засыпать, темнота казалась старым добрым другом.

Белый огонь прострелил позвоночник, и Бобби села на кровати, бодрая как никогда. Это было похоже на впрыскивание «сока» – медикаментозного коктейля, который поддерживал

⁴ Серж – сокращение от «сержант».

космонавтов в ясном сознании при маневрах на высоких перегрузках. Бобби открыла глаза и сразу зажмурилась: яркое освещение комнаты чуть не прожгло глазницы.

– Приглушите свет, – выдавила она. Слова шепотом вырывались из сухого горла. Красное пламя, просачивающееся сквозь сомкнутые веки, померкло, но, когда она снова попыталась открыть глаза, свет был все еще слишком ярким. Кто-то, взяв ее за руку, помог удержать чашку.

– Справитесь? – спросил приятный голос.

Бобби, не отвечая, поднесла чашку к губам и двумя жадными глотками выпила воду.

– Еще. – На этот раз ее голос прозвучал почти нормально. Судя по звуку, кто-то откатил кресло и прошагал от кровати по кафельному полу. Бросив короткий взгляд, Бобби поняла, что она в больничной палате. Мягко гудели медицинские аппараты, запахи мочи и антисептика боролись между собой. Бобби смущенно осознала, что запах мочи исходит от нее. Ненадолго включился кран, затем шаги вернулись. Ей в руку снова вложили чашку. Теперь она пила понемногу, задерживая воду во рту, прежде чем проглотить. Вода была восхитительно прохладной.

Когда Бобби допила, голос спросил:

– Еще?

Она помотала головой:

– Может, потом, – и спросила: – Я ослепла?

– Нет. Вы получили фокусирующее средство в сочетании с сильными амфетаминами. Поэтому зрачок максимально расширен. Я не догадался приглушить свет, прежде чем вас будить.

Голос все еще был полон доброты и тепла. Бобби хотелось увидеть лицо говорящего, и она рискнула чуть приоткрыть один глаз. Свет уже не обжигал, но по-прежнему причинял дискомфорт. Владелец приятного голоса оказался очень высоким, худым мужчиной в форме флотской разведки. У него было узкое, сухое лицо – кости черепа словно просились наружу. Улыбаясь, человек ограничивался легким движением уголков рта, и это испугало Бобби.

– Сержант артиллерии Роберта В. Драпер, экспедиционные силы Марса, – произнес он. Голос настолько противоречил его внешности, что Бобби показалось: она смотрит дублированный фильм, где звучит голос не актера, а переводчика.

Прошло несколько секунд, и Бобби, ничего больше не услышав, подтвердила:

– Да, сэр. – Взглянув на нашивки, она поправилась: – Капитан.

Оба глаза теперь открылись, но в теле сохранилось странное звенящее ощущение: все члены словно бы онемели и дрожали одновременно. Так и хотелось поерзать в постели.

– Сержант Драпер, я – капитан Торссон, и я должен вас допросить. Мы потеряли весь ваш взвод. На Ганимеде два дня шли бои местного значения между ООН и войсками Марсианской Республики Конгресса. Это, по последним данным, обошлось в пять с лишним миллиардов долларов ущерба, нанесенного инфраструктуре, и привело к гибели почти трех тысяч военных и гражданских лиц.

Он снова выдержал паузу, разглядывая ее прищуренными, по-змеиному блестящими глазами. Бобби, не зная, какого ответа он ждет, повторила:

– Да, сэр.

– Сержант Драпер, почему ваш взвод открыл огонь и уничтожил пост ООН у четырнадцатого купола?

Вопрос был настолько абсурден, что несколько секунд Бобби силилась понять, что за ним стоит.

– Кто приказал открыть огонь и почему?

Не мог же он спрашивать, почему ее люди начали бой? Он что, не знает про монстра?

– Вы не знаете про монстра?

Капитан Торссон не шевельнулся, но уголки его рта строго опустились, а лоб навис над переносицей.

– Монстр, – повторил он голосом, в котором не осталось ни капли тепла.

– Сэр, какой-то монстр... мутант... что-то атаковало пост ООН. Ооовцы спасались от него, бежали к нам. Мы в них не стреляли. Это... оно убивало их, а потом оно убило нас, – проговорила Бобби, подавила приступ рвоты и проглотила кислое во рту. – То есть всех, кроме меня.

– Сержант, я дам вам второй шанс. До сих пор у вас было образцовое досье. Вы прекрасный солдат. Один из лучших в десанте. Вы не хотите начать заново?

Он взял диктофон и, выразительно глянув на нее, поднес руку к кнопке «стереть».

– Думаете, я лгу? – спросила она. Зуд в теле разрядился во вполне реальное желание: руки чесались дотянуться до надменного ублюдка. – Мы все в него стреляли. В прицельных камерах всего взвода должны остаться кадры, как эта тварь убивает солдат ООН, а потом атакует нас. Сэр.

Торссон качнул головой – это походило на взмах топора – и совсем сощурил глаза.

– Мы не получили съемок боя от взвода и вообще никаких сведений...

– Их глушили, – перебила Бобби. – У меня тоже радиосвязь пропала, когда я приблизилась к монстру.

Торссон продолжал, словно его не перебивали:

– ...а все камеры с записями пропали, когда на купол рухнуло орбитальное зеркало. Вы оказались вне района падения, но ударная волна отбросила вас почти на четверть километра. Мы долго вас искали.

«Все камеры с записями пропали». Как бесстрастно это звучит. Каждый боец из взвода Бобби обратился в пар и брызги под ударом двух тысяч тонн упавшего с орбиты зеркала. Монитор тихо, тревожно загудел, но никто не обратил на него внимания, и Бобби тоже не стала оборачиваться.

– Мой скафандр, сэр. Я тоже в него стреляла. Видео должно сохраниться.

– Да, – ответил Торссон, – мы обследовали видеожурнал вашего скафандра. Одни помехи.

Как в дурном ужастике, думала Бобби. Героиня видела монстра, но никто ей не верит. Она представила себе второй акт: позорный военный трибунал – и воздаяние по заслугам в третьем, где снова появляется монстр, пожирающий всех недоверчивых...

– Постойте – сказала она. – У вас какой деархиватор? У меня скафандр старой модели, на нем видеоархиватор версии пять-один. Скажите техникам, и пусть попробуют еще раз.

Торссон несколько секунд смотрел на нее, потом достал свой терминал и с кем-то связался.

– Пусть в палату принесут скафандр сержанта Драпер. И набор видеоаппаратуры с ним. Убрав терминал, он послал Бобби очередную жутковатую улыбку.

– Признаюсь, сержант, мне чрезвычайно любопытно, что вы намерены мне показать. Если это просто уловка, вы выиграете всего несколько минут.

Бобби не ответила, но страх перед Торссоном наконец сменился злостью, которая перешла в обиду. Она подтянулась на узкой госпитальной койке и перевернулась, села на край, отбросив в сторону одеяло. Перед ее крупным телом мужчины обычно либо робели, либо заводились. В любом случае им делалось неловко. Она чуть придвинулась к Торссону и с удовлетворением увидела, что он ровно настолько же отодвинул свое кресло.

По его раздраженному лицу ясно было, что Торссон отлично понял, чем занимается собеседница, и отвернулся, чтобы не видеть ее улыбки.

Дверь открылась, пара техников вкатили стойку с ее скафандром. Он остался в целости. Они не испортили костюм, снимая с нее. К горлу подступил комок. Бобби сглотнула. Перед этим паяцем Торссоном она слабости не покажет.

Паяц ткнул пальцем в одного из техников.

– Вы. Ваше имя?

Молодой техник четко отсалютовал:

– Мичман электриков Мат Сингх, сэр.

– Мистер Сингх, сержант Драпер утверждает, что на ее скафандре установлен видеоархиватор иной модели, нежели на новых, и потому вы не сумели считать данные. Это так?

Сингх хлопнул себя по лбу.

– Черт! Ну да, я не подумал... это же старый «Голиаф-три». Когда начали выпуск четвертой модели, встроенные программы полностью переписали. Совсем другая система хранения видео. Ох, какой же я дурак...

– Именно так, – перебил Торссон. – Сделайте все необходимое для просмотра видео, сохраненного этим скафандром. Чем скорее вы управитесь, тем меньше времени у меня будет для размышлений о вашей некомпетентности и вызванной ею задержке.

Сингх, надо отдать ему должное, не ответил. Он тотчас подключил костюм к монитору и взялся за работу. Бобби скользила взглядом по своему скафандру. Было много царапин и вмятин, но серьезных повреждений она не заметила. Ей ужасно хотелось надеть его, после чего объяснить Торссону, куда тот может засунуть свои манеры.

Руки и ноги снова задрожали. Что-то трепетало в горле, словно там билось сердце маленького зверька. Ее пульс. Она попыталась что-то сказать, но техник уже сжал кулак, показывая своему помощнику: готово.

– Есть, сэр, – сообщил Сингх и начал обратную перемотку. Бобби всматривалась, как могла, но картинка расплывалась. Она потянулась к плечу Торссона, чтобы привлечь его внимание, но почему-то промахнулась и только сунулась вперед. «Вот, опять», – успела подумать она в краткий миг невесомости перед беспамятством.

* * *

– Черт побери, – процедил резкий голос. – Я вас предупреждала. У нее внутренние повреждения и сильная контузия. Нельзя было разгонять ее на полную скорость, да еще допрашивать. Это безответственность. Преступная безответственность, чтоб вас!

Бобби открыла глаза. Она снова лежала в постели. Торссон сидел в кресле рядом. Одетая в госпитальную форму коренастая блондинка с разгоревшимся от возмущения лицом стояла в ногах кровати. Заметив, что Бобби очнулась, она придвинулась ближе и взяла ее за руку.

– Сержант Драпер, постарайтесь не двигаться. Вы упали и разбередили кое-какие раны. Мы все наладили, но теперь вам нужен отдых.

Говоря, врач смотрела на Торссона и выражением лица ставила после каждой фразы восклицательные знаки. Бобби кивнула доктору – голова была словно миска с водой при меняющемся направлении тяги. Не больно, но это, вероятно, потому, что ее накачали всеми анальгетиками, какие только нашлись в медотсеке. – Содействие сержанта Драпер было необходимо. – В чарующем голосе Торссона не прозвучало и намека на извинение. – Благодаря ей мы, возможно, оказались спасены от открытой войны с Землей. Рисковать своей жизнью ради спасения других более или менее входит в обязанности Роберты.

– Не называйте меня Робертой, – процедила Бобби.

– Серж, – поправился Торссон. – Я сочувствую вашим потерям. И приношу извинения, что не поверил вам сразу. Благодарю вас за то, что вы реагировали столь профессионально и тем самым помогли избежать серьезной ошибки.

– По-моему, вы – дрянь, – сообщила Бобби.

– Такая у меня работа, солдат.

Торссон встал.

– Отдыхайте. Мы отправим вас, как только вы сможете перенести полет.

– Отправите? Обратно на Марс?

Торссон не ответил. Он кивнул врачу и вышел. Блондинка нажала одну из кнопок над койкой Бобби, и что-то холодное укололо ее в предплечье. Свет погас.

* * *

Желе. Интересно, почему в госпиталях вечно пичкают желатином?

Бобби с отвращением тыкала вилкой в дрожащий зеленый холмик на тарелке. Она наконец оправилась достаточно, чтобы поесть по-настоящему, но эта мягкая прозрачная еда, которую ей принесли, казалась все менее аппетитной. Даже насыщенная белками и углеводами жижа, выдаваемая за похлебку на большинстве кораблей флота, представлялась сейчас более соблазнительной. А если бы грибное жаркое под соусом, да с кускусом на гарнир...

Дверь палаты скользнула в сторону, и ее врач (Бобби уже знала, что блондинку зовут Триша Пикон, хотя все называли ее «доктор Триш») вошла вместе с капитаном Торссоном и еще одним, неизвестным ей, мужчиной. Торссон одарил ее своей страшноватой улыбкой, но Бобби уже знала, что у него просто лицо так устроено. Словно для нормальной улыбки не доставало каких-то мускулов. Незнакомец был в форме флотского капеллана неопределенной религиозной принадлежности.

Первой заговорила доктор Триш:

– Хорошая новость, Бобби. Завтра мы тебя выписываем. Как самочувствие?

– Нормально. Есть хочется, – ответила Бобби, снова ткнув вилкой в желе.

– Мы постараемся раздобыть тебе настоящей еды. – Доктор Триш улыбнулась и покинула палату.

Торссон указал на капеллана.

– Это капитан Мартенс. Он летит с нами. Я оставлю вас вдвоем – познакомьтесь.

Торссон вышел, не дав Бобби ответить, а Мартенс плюхнулся в кресло у ее койки и протянул руку.

– Привет, сержант, – начал он, – я...

– Когда я подчеркивала «нет» в форме 2790 о вероисповедании, я не шутила, – оборвала его Бобби.

Мартенс улыбнулся. Ни резкий ответ, ни ее агностицизм, как видно, не задел капеллана.

– Я здесь не по религиозным делам, сержант. У меня образование психолога по травмам, а поскольку вы стали свидетелем гибели всех людей из вашего взвода и сами чуть не погибли, капитан Торссон и ваш врач решили, что вам нужен я.

Бобби хотела отмахнуться, но помешал вставший в груди ком. Она скрыла болезненное ощущение, глотнув воды, и сказала:

– Я хорошо себя чувствую. Спасибо, что пришли.

Мартенс откинулся в кресле, продолжая улыбаться.

– Если бы вы действительно хорошо себя чувствовали после случившегося, я бы решил, будто с вами что-то не так. А сейчас вас кидают в ситуацию, непростую для чувств и разума. На Земле вы не сможете позволить себе такой роскоши, как эмоциональный срыв или посттравматическая стрессовая реакция. Нам предстоит много поработать...

– На Земле? – Бобби отшатнулась, как от удара. – Стойте-стойте! Зачем мне на Землю?

Глава 5. Авасарала

Крисьен Авасарала, помощник госсекретаря исполнительной администрации, сидела в конце стола. На ней было оранжевое сари: единственное яркое пятно среди серого-лубой военной формы собравшихся. Остальные семеро участников совещания возглавляли те или иные рода войск ООН и все были мужчинами. Она знала их имена, карьеру и психологические профили, уровень платежеспособности, политические пристрастия и партнеров по постели. Вдоль черной стены, мучительно застыв, словно застенчивые подростки на танцплощадке, выстроились помощники и свита. Авасарала украдкой вытащила из сумочки фисташку, тихонько щелкнула скорлупой и забросила в рот соленое ядрышко.

– Все встречи с командованием Марса придется отложить до стабилизации положения на Ганимеде. До того официальные дипломатические переговоры только подтвердят, что мы принимаем новый статус-кво. – Говорил адмирал Нгайен, младший из присутствующих. Этакий коршун. И с сознанием собственной важности, свойственным многим успешным молодым людям.

Генерал Адики-Сандовал кивнул бычьей головой.

– Согласен. Мы здесь должны думать не только о Марсе. Если Альянс Внешних Планет сочтет нас слабыми, это вызовет всплеск террористической активности.

Майк Эджи из дипломатического корпуса откинулся в кресле и беспокойно провел по губам языком. Зализанные к затылку черные волосы и вытянутое вперед лицо придавали ему сходство с человекообразной крысой.

– Джентльмены, я должен возразить...

– Разумеется, вы должны, – сухо вставил генерал Нетлфорд. Эджи проигнорировал его реплику.

– В данный момент встреча с Марсом – необходимый первый шаг. Если мы начнем выставлять предварительные условия и создавать препятствия, то это не только отнимет больше времени, но даже может спровоцировать возобновление враждебных действий. Если же мы сумеем снизить напряженность, спустить пар...

Адмирал Нгайен, сохраняя каменное лицо, кивнул и заговорил светским тоном:

– У вас, дипломатов, все метафоры – из века паровых машин?

Авасарала хихикнула вместе со всеми. Она тоже была невысокого мнения об Эджи.

– Марс уже наращивает вооружение, – сказал генерал Нетлфорд. – Мне видится, что лучшим ходом для нас будет вернуть Седьмой с Цереры. Поджарим им пятки. Пусть часы тикают: посмотрим, решатся ли тогда марсиане задержаться на Ганимеде.

– Вы имеете в виду – передвинуть корабли в систему Юпитера? – спросил Нгайен. – Или к Марсу?

– Все, что движется в сторону Земли, будет приближаться и к Марсу, – напомнил Нетлфорд.

Авасарала прокашлялась.

– У вас есть что-нибудь новое по инициатору нападения?

– Им занимаются техники, – ответил ей Нетлфорд, – и, кстати, об этом: если Марс испытывает на Ганимеде новую технику, мы не можем позволить им задавать темп, мы должны вывести на доску что-нибудь и с нашей стороны.

– Но ведь это была протомолекула? – спросил Эджи. – Я имею в виду то, что привело к падению Эроса.

– Этим занимаются, – довольно сдержанно ответил Нетлфорд. – Есть некое общее сходство, но есть и существенная разница. В отличие от Эроса, оно не распространяется. Население Ганимеда не изменилось, как изменились люди на Эросе. Судя по спутниковым снимкам,

похоже на то, что оно вторглось на территорию марсиан и там самоликвидировалось или было уничтожено извне. Если оно и связано с Эросом, то технику с прошлого раза отточили.

– Итак, Марс владеет образцом и использует его как оружие, – резюмировал адмирал Соутер. Он был немногословен, и Авасарала всегда забывала, какой высокий у него голос.

– Это возможно, – признал Нетлфорд. – Весьма возможно, но и только.

– Слушайте, – с самодовольной улыбкой, словно ребенок, добившийся своего, заговорил Нгайен. – Я понимаю, что первый ход остался за ними, но надо обсудить, в каких пределах можно нанести ответный удар. Если идет гонка за большим призом, ждать, скорее всего, будет не умнее, чем выброситься из шлюза.

– Надо соглашаться на встречу с Марсом, – сказала Авасарала.

Стало тихо. Нгайен помрачнел.

– Это?.. – начал он и не закончил вопроса. Авасарала видела, как переглядываются мужчины. Она достала из сумочки еще одну фисташку, съела ядрышко и спрятала скорлупу. Эджи неумело пытался скрыть радость. Надо бы наконец разузнать, кто какие кнопки нажал, пробив его в представителе дипломатического корпуса. Выбор – хуже не придумаешь.

– Трудно будет обеспечить безопасность, – отозвался Нетлфорд. – Мы не допустим их корабли за оборонительный периметр.

– Ну, выставлять условия мы им не позволим. Если встреча состоится, то здесь, на нашей территории.

– Остановить их на приличном расстоянии и пересадить на свой транспорт?

– На такое они никогда не согласятся.

– Стоит сперва узнать, согласятся или нет.

Авасарала тихонько поднялась и направилась к двери. Ее личный секретарь, молоденький европеец по имени Сорен Коотвальд, отлепился от дальней стены и последовал за ней. Генералы предпочли не заметить ее ухода, а может, так увлеклись новыми, подкинутыми ею, проблемами, что и вправду не заметили. В любом случае военным не меньше хотелось избавиться от нее, чем Авасарале – от них.

Коридоры комплекса ООН в Гааге были широкими и чистыми, сдержанный декор напоминал музейную диораму португальских колоний 1940-х годов. Авасарала задержалась у утилизатора органических отходов и принялась вытряхивать из сумочки скорлупу.

– Что дальше? – спросила она.

– Совещание с мистером Эрринрайтом.

– А потом?

– Мистон Грэвис – по поводу Афганистана.

– Отмените.

– Что ему сказать?

Авасарала отряхнула ладони над контейнером и быстро прошагала к центральному холлу с лифтами.

– Пошлите на фиг, – посоветовала она. – Напомните, что Афганистан сопротивлялся внешнему контролю с тех времен, как мои предки дали пинка англичанам, если не дольше. Как только я придумаю, что с этим делать, я дам ему знать.

– Да, мэм.

– И еще мне нужна последняя сводка по Венере. Новейшая. И у меня нет под рукой профессора для перевода, так что, если она не будет составлена простым, вразумительным языком, гоните обормота в шею и найдите на его место человека, умеющего писать.

– Да, мэм.

Кабина лифта, поднимавшегося от общих залов и комнат для переговоров к кабинетам, ослепляла глаз блеском стали. Внутри свободно могли бы отобедать четверо. Распознав вошед-

ших, кабина двинулась вверх, бережно переносила их с уровня на уровень. Бинненхоф⁵ за окнами словно съезжился, а большой муравейник Гааги раскинулся по земле под непорочно-голубым небом. Стояла весна, снег, накрывавший город с декабря, наконец сошел. Далеко внизу над улицами кружили голуби. На планете жило тридцать миллиардов человек, но голубей они так и не вытеснили.

– Все эти мужики – петухи, – процедила Авасарала.

– Простите? – переспросил Сорен.

– Генералы. Все они – педерасты.

– Я думал, только Соутер...

– Я не о том, что они спят с другими мужчинами. А о том, что все эти петухи – мужчины. Когда в последний раз женщина возглавляла вооруженные силы? На моей памяти – ни разу. И теперь мы расхлебываем последствия того, что бывает, когда в политике перебор тестостерона. И кстати: свяжитесь с Аннет Рабир из обеспечения. Я не доверяю Нгайену. Если он заведет переписку с кем-то из Генеральной Ассамблеи, я должна знать.

Сорен закашлялся.

– Простите, мэм. Вы поручаете мне слежку за генералом Нгайеном?

– Нет, всего лишь проверку всех сетевых переговоров, причем интересует меня только кабинет Нгайена.

– Конечно. Простите, недопонял.

Лифт прошел мимо окон с видом на город и скрылся в темной шахте уровня личных кабинетов. Авасарала хрустнула суставами пальцев.

– Да, и между прочим, – сказала она, – это ваша собственная инициатива.

– Да, мэм. Я тоже об этом подумал.

Человека, не знавшего Авасаралу лично, ее кабинет обманул бы неприятной обстановкой. Он располагался на восточной стороне здания, с которой обычно начинали путь наверх мелкие чиновники. У нее было окно с видом на город, но не угловое. Матово-черный экран видео, занимавший большую часть южной стены, не включался без необходимости. Остальные стены были отделаны потертыми бамбуковыми панелями. Узор на ковровом покрытии кое-как скрывал пятна. Единственными украшениями служили маленький алтарь с глиняной фигуркой Гаутамы Будды у письменного стола и ваза резного хрусталя с цветами. Букет каждый четверг присылал ее муж Арджуна. В комнате пахло свежими цветами и застарелым трубочным дымом, хотя Авасарала никогда здесь не курила и не помнила, чтобы курил кто-то другой. Она подошла к окну. Внизу распростерся город из бетона и древнего камня.

В темнеющем небе горела Венера.

За двенадцать лет, проведенных ею за этим столом, в этом кабинете, все вокруг изменилось. Когда-то союз между Землей и ее подрастающим братом казался вечным и нерушимым. Пояс был незначительной неприятностью и пристанищем мелких преступников и бунтарей, которых проще казалось потерять при корабельной аварии, чем доставлять в суд. Человечество считало себя одиноким во Вселенной.

А потом секретные исследования на Фебе, залетном спутнике Сатурна, выявили оружие, посланное из чужой солнечной системы в эпоху, когда земная жизнь была не более чем любопытной идеей в жидкой молекулярной пленке. После этого могло ли что-либо остаться прежним?

И все же кое-что осталось. Да, Земля с Марсом так и не решили: верные они союзники или смертельные враги. Да, АВП – Хезболла⁶ вакуума – норовил стать серьезной политической силой на внешних планетах. Да, искусственная молекула, предназначенная для перестройки

⁵ Бинненхоф – комплекс правительственных зданий в центре Гааги.

⁶ В переносном смысле – серьезная террористическая организация, постоянная угроза.

примитивной биосферы Земли, вместо этого загнала блудный астероид в облака Венеры и принялась там за неведомые никому дела.

Но весна приходила по-прежнему. По-прежнему накатывали и отступали избирательные кампании. Вечерняя звезда по-прежнему освещала индиговые небеса ярче, чем все огни земных городов. В иные дни это внушало уверенность.

– Мистер Эрринрайт, – сообщил Сорен.

Пока Авасарала оборачивалась к настенному экрану, тот ожил. Округлое мягкое лицо Садавира Эрринрайта было темнее, чем у нее. Такое, как у него, лицо показалось бы уместным где-нибудь в Пенджабе, зато его голос сочился холодным, рассудочным британским юмором. Где бы он ни находился, за его спиной горел яркий дневной свет. Изображение на экране подрагивало, подбирая баланс света и тени: Эрринрайт представлялся то темным пятном в полутемном кабинете, то фигурой, окруженной нимбом света.

– Надеюсь, совещание прошло благополучно?

– Нормально, – ответила она. – Мы продвинулись к встрече с марсианами. Сейчас там обсуждают меры безопасности.

– Пришли к согласию?

– Да, после того как я подсказала, с чем нужно соглашаться. Марсиане посылают на встречу с чиновниками ООН своих первых представителей – с извинениями, а также для обсуждения вопроса о нормализации отношений и возвращении Ганимеда, и прочее, и прочее. Все верно?

– Не уверен, согласится ли с этим марсианская сторона, – заметил он.

– Возразить они не смогут. Я разослала пресс-релиз с картелем⁷ и угрозой в последнюю минуту отменить встречу. Остросюжетная драма – это прекрасно. Более чем прекрасно: она отвлекает внимание. Только не позволяйте Пузырь-башке заводить речь о Венере и Эросе.

Эрринрайт почти непроизвольно отпрянул.

– Прошу вас, не называйте Генерального секретаря Пузырь-башкой.

– А почему бы и нет? Я называла его так в глаза, и он не возражал.

– Он понял, что вы шутите.

– Это потому, что голова у него совсем пустая. Запретите ему заговаривать о Венере.

– А о видеосъемке?

Законный вопрос. То, что спровоцировало атаку на Ганимеде, начало с района, контролировавшегося Объединенными Нациями. Если закулисные сплетни не лгут, марсиане располагали только кадрами, снятыми камерой одного боевого скафандра. В распоряжении Авасаралы были семь минут видео сорока камер с высоким разрешением, на котором нечто убивало лучших людей Земли. Даже если марсиан удастся отговорить от разглашения, замолчать это будет трудновато.

– Дайте мне время до встречи, – попросила Авасарала. – Посмотрим, что они скажут и как скажут, тогда я и решу, что делать. Если это – оружие марсиан, они выдадут себя, начав игру.

– Понимаю, – протянул Эрринрайт, всем видом показывая, что не понял.

– При всем уважении к вам, сэр, – сказала она, – пока это должно остаться между Землей и Марсом.

– Нужна ли нам остросюжетная драма, разыгрываемая двумя главными вооруженными силами системы? Как вам, собственно, это представляется?

– Сообщение Майкла Джона де Утюрбе о возрастании активности на Венере я получила почти одновременно с началом боевых действий на Ганимеде. Если Венера забеспокоилась,

⁷ Картель – в международном праве: договор между воюющими сторонами. – Прим. ред.

едва что-то случилось, чертовски похоже, что на Ганимеде проявила себя протомолекула. В том-то и дело.

Авасарала выдержала многозначительную паузу, прежде чем продолжать. У Эрринрайта задвигались глазные яблоки, словно он читал написанные в воздухе строки. Для него это было признаком глубокой задумчивости.

– Мы и прежде бряцали саблями, – напомнила Авасарала, – и ничего, выжили. Военная угроза – известная величина. У меня папка на девятьсот страниц: анализ возможного конфликта с Марсом, план действий – и среди них четырнадцать различных сценариев на случай столкновения с неизвестной новой технологией. А вот в папке, приготовленной на случай, если нечто явится с Венеры, три странички, и в пункте первом значится: «Обратиться к Богу».

Эрринрайт сохранял серьезность. Авасарала слышала за спиной молчание Сорена, в котором сквозило беспокойство сильнее обычного. Она открыто выложила свои страхи на стол.

– Три версии, – тихо перечисляла она. – Первая: это работа Марса. Тогда у нас будет просто война, с войной мы справимся. Вторая: это сделал кто-то другой. Неприятный и опасный вариант, но разрешимый. Третье: оно возникло само по себе. И тогда мы остаемся с пустыми руками.

– Вы не собираетесь добавить новые страницы в ту тощую папку? – Вопрос Эрринрайта прозвучал легкомысленно. Сам Эрринрайт, однако, легкомысленным отнюдь не был.

– Нет, сэр. Я собираюсь выяснить, с какой из трех возможностей мы имеем дело. Если с одной из двух первых, я решу проблему.

– А если с третьей?

– Уйду в отставку, – ответила она, – и вы сможете назначить на это дело другого болвана.

Эрринрайт знал ее достаточно давно, чтобы уловить шутку. Он улыбнулся и рассеянно потянул себя за галстук. Он полностью разделял ее опасения, но незнакомый человек не догадался бы.

– Это удавка. Мы не можем позволить конфликту на Ганимеде слишком разгореться.

– Это не главное, – возразила Авасарала. – Без моего разрешения никто войну не начнет.

– Вы хотите сказать: без приказа военного министра, подтвержденного голосованием Генеральной Ассамблеи.

– Когда отдать приказ, я ему подскажу, – сказала она, – но передадите вы сами. У него яйца отвалятся, если он услышит это от бабульки вроде меня.

– Ну, такого мы, конечно, не допустим. Держите меня в курсе, если что-то узнаете. Я поговорю с пишущей-вещающей братией и позабочусь, чтобы в его заявлении не было подтекста.

– А за утечку видео атаки виновник ответит передо мной, – добавила она.

– Если утечка случится, ответственный за нее будет обвинен в государственной измене, предстанет перед трибуналом и отправится в лунную каторжную колонию пожизненно.

– Более или менее так.

– Не пропадайте из вида, Крисьен. Времена трудные; чем меньше сюрпризов, тем лучше.

– Да, сэр, – согласилась она. Связь прервалась, экран потемнел. В нем светлыми пятнышками отразились ее оранжевое сари и седые волосы. Другое пятно: белый цвет и хаки – было Сореном.

– У вас мало работы?

– Нет, мэм.

– Так валите отсюда.

– Да, мэм.

Она услышала за спиной его удаляющиеся шаги.

– Сорен!

– Мэм?

– Мне нужен список свидетелей по делу Эроса. И пусть по каждому даст заключение психоаналитик, если этого еще не сделано.

– Вам распечатку показаний? – Да, и ее тоже.

– Сделаю как можно быстрее.

Дверь за ним закрылась, и Авасарала опустилась в кресло. Ноги гудели, головная боль, с утра топтавшаяся где-то на заднем плане, выступила вперед и подала голос. Будда безмятежно улыбался, и она хихикнула, словно поделившись с ним шуткой. Ей хотелось домой: посидеть на крылечке, слушая фортепьянные упражнения Арджуны.

А вместо этого...

Под рукой была служебная связь, но она вызвала Арджуну через ручной терминал. Суетное чувство заставляло отделять семейные дела от рабочих даже в таких мелочах. Муж сразу ответил на вызов. Короткая борода на его угловатом лице уже почти совсем поседела, но юмор во взгляде сквозил прежний, не исчезая, даже когда Арджуна плакал. От одного взгляда на мужа ей полегчало.

– Я вернусь поздно, – сказала она, тут же пожалевав о своем деловитом тоне. Арджуна кивнул.

– Я потрясен, нет слов. – Даже сарказм у него был мягким. – Тяжела сегодня маска?

Он называл это «маской». Словно женщина, которую она представляла миру, была поддельной, а та, что говорила с ним или рисовала наперегонки с внучкой, – подлинной. Авасарала считала, что муж ошибается, но выдумка казалась такой утешительной, что она всегда ему подыгрывала.

– Сегодня очень тяжела. Чем ты занят, любимый?

– Читаю черновик диссертации Кукурри. Над ней еще надо поработать.

– Ты в кабинете?

– Да.

– Лучше бы вышел в сад, – посоветовала она.

– Потому что в сад хочется тебе? Выйдем вместе, когда вернешься домой.

Она вздохнула.

– Это может быть очень нескоро.

– Разбуди меня, и погуляем.

Она тронула экран, и Арджуна улыбнулся, словно в ответ на ласку. Авасарала разорвала связь. По давней привычке они не прощались: один из тысяч маленьких обычаев, возникающих за десятилетия брака.

Повернувшись к рабочей системе, Авасарала вывела на экран тактический анализ сражения на Ганимеде, профили интеллекта ключевых фигур в командовании Марса и программу встречи, уже составленную генералами после совещания. Вынув из сумочки фисташку, она хрустнула скорлупой, погрузившись в сырую информацию, позволив сознанию плясать в ее волнах. В окне за спиной сквозь зарево огней Гааги пробивались новые звезды, но Венера была по-прежнему ярче всех.

Глава 6. Холден

Ему снились длинные изогнутые коридоры, наполненные чудовищами-полулюдьми. Проснулся он в темной каюте от громкого гудка и довольно долго возился с незнакомыми креплениями койки. Отстегнувшись, подлетел вверх: значит, микрогравитация. Гудок повторился. Холден оттолкнулся от кровати к стене и нажал кнопку, осветив каюту. Здесь было тесно. У одной переборки – койка-амортизатор модели семидесятилетней давности, втиснутая поверх личного рундука, в углу – туалет и раковина, а напротив – стенная панель с названием корабля: «Лунатик».

Панель прогудела в третий раз. Теперь Холден нажал кнопку ответа и спросил:

– Где мы, Наоми?

– Последнее торможение перед высотной орбитой. Ты не поверишь, они поставили нас в хвост!

– В хвост, в смысле – в очередь?

– Да, – подтвердила Наоми. – По-моему, они задерживают все корабли, побывавшие на Ганимеде.

– Дерьмо! Они на чьей стороне?

– А есть разница?

– Ну, – принялся объяснять Холден, – на Земле я в розыске за похищение пары тысяч ядерных ракет и передачу их АВП, а Марс из-за меня лишился всего одного корабля. Полагаю, и наказания будут разными.

– В любом случае сидеть тебе за решеткой до скончания века, – рассмеялась Наоми.

– Ну, тогда считай, спрашиваю из чистого занудства.

– Те, что нас задержали, похожи на корабль ООН, но рядом торчит марсианский фрегат, наблюдает за обработкой.

Холден в душе возблагодарил Фреда Джонсона, который еще на Тихо убедил его отказаться от «Росинанта» и лететь к Ганимеду на свежоотремонтированном «Лунатике». В нынешнем флоте АВП этот грузовик выглядел самым безобидным и привлекал гораздо меньше нежелательного внимания, чем военный корабль, похищенный у Марса. Они оставили «Роси» подальше от Юпитера, в местечке, куда вряд ли кто заглянет. Алекс заглушил все системы, кроме очистки воздуха и пассивных датчиков, и теперь, наверное, валялся в своей каюте под грудой одеял и с грелкой, ожидая вызова от них.

– Отлично, я сейчас поднимусь. Сообщи Алексу ситуацию через направленный луч. Если нас арестуют, пусть ведет «Роси» на Тихо.

Холден открыл ящик под койкой и вытащил из него тренировочный костюм. Одежда сидела плохо. На спине куртки было название корабля: «Лунатик», на нагрудном кармане имя хозяина: Филипс. Если верить корабельному журналу, взломанному кудесниками с Тихо, Уолтер Филипс был механиком первого разряда и основным торговцем оборудованием, украдкой вынесенным с грузовика. По чину он числился третьим из трех. Учитывая репутацию Филипса в Солнечной системе, Холден мог только радоваться, что, согласно роли, ему не придется встречаться с властями.

Он умылся над крошечной раковиной – вода не текла, использовались влажные салфетки и мыльные валики – и с отвращением поскреб бородку, вынужденную дань маскировке. Прежде он никогда не носил бороду и оказался разочарован, обнаружив, что она вышла неровная и клочковатая. Амос, который из солидарности тоже перестал бриться, щеголял теперь роскошной львиной гривой и подумывал ее оставить – уж очень она ему шла.

Сунув использованные салфетки в камеру утилизатора, Холден толкнулся к люку и по трапу стал подниматься в рубку.

Рубка была так себе. «Лунатику» насчитывалось чуть не сто лет, и он определенно доживал последние годы. Если бы для их миссии не требовался корабль, какого не жалко, ребята Фреда, вероятно, подлатали бы старичка. После недавней гонки он уже дышал на ладан, зато последние двадцать лет «Лунатика» гоняли с продовольствием по маршруту Ганимед – Церера, и прежние регулярные визиты на луны Юпитера оправдывали его появление с продовольственной помощью. Фред решил, что к грузовику привыкли и не глядя пропустят через блокаду.

По-видимому, он просчитался.

Наоми Холден застал пристегнутой к одной из панелей управления. На ней был такой же зеленый тренировочный костюм, только на кармане значилось: Эстанция. Она улыбнулась Холдену и жестом указала на экран.

– Вот эта группа кораблей всех досматривает перед посадкой.

– Черт – ругнулся Холден, приближая изображение с телескопа, чтобы лучше рассмотреть корпуса и разобраться в марках. – Определенно, ооновцы. – Маленькое пятнышко прошло через картинку от корабля ООН к тяжелому грузовозу, стоявшему первым в очереди. – А это похоже на абордажную шлюпку.

– Хорошо, что ты месяц как нечесан. – Наоми подергала его за клочок волос. – С такими зарослями на голове да с этой жуткой бородой тебя бы и родные матери не узнали.

– Надеюсь, моих матерей пока не призвали во флот, – ответил, стараясь попасть ей в тон, Холден. – Я предупрежу Амоса.

* * *

Холден, Наоми и Амос ждали в коротком проходе. В этот отрезок коридора, сразу за внутренним люком шлюза, выходило множество шкафчиков-кладовых. Абордажная команда заканчивала процедуру стыковки. Наоми, в свежевыстиранной форме капитана, в магнитных башмаках, смотрелась высокой и строгой. Капитан Эстанция, погибшая при нападении пиратов, десять лет командовала «Лунатиком». Холден подумал, что Наоми выглядит достойной преемницей.

За ней держался Амос в тренировочном костюме с нашивками старшего механика, на его лице застыла скучающая мина. Брюшко Амоса было заметно даже при микрогравитации на нынешней орбите. Холден, как умел, подражал его осанке и раздраженному виду.

Шлюз завершил стыковку, и внутренняя крышка люка сдвинулась в сторону. Шестеро космодесантников в боевых скафандрах и младший лейтенант в вакуумном застегнули магнитными подковками по обшивке. Лейтенант бегло оглядел команду и сверился со своим ручным терминалом. Он, казалось, скучал не меньше Амоса. Пожалуй, догадался Холден, бедолага так же мечтает отделаться от нудной процедуры досмотра, как они – уйти с миром.

– Ровена Эстанция, капитан и главный совладелец грузовоза «Плачущий лунатик» с регистрацией на Церере.

Лейтенант не спрашивал, однако Наоми сочла нужным ответить:

– Да, сэр.

– Хорошо звучит, – заметил лейтенант, не отрываясь от терминала.

– Сэр?

– Я о корабле. Необычное название. Клянусь, если мне попадется еще один корабль, названный по имени чьей-то дочери или девушки с Титана, я начну штрафовать за отсутствие фантазии.

У Холдена поджались лопатки и мурашки поползли под волосами. Может, лейтенанту и наскучила его работа, но парень умен и наблюдателен и не скрывает этого.

Наоми ухмыльнулась.

– Мой получил название после того, как я три месяца оплакивала на Титане разлуку с другом сердца. По большому счету, вышло удачно. До этого я хотела назвать кораблик по любимой золотой рыбке.

Лейтенант от удивления вытянулся, но тут же расхохотался.

– Спасибо, капитан. За весь день вы первая меня рассмешили. Остальные перед нами дрожат до усрачки, а у этой шестерки кабанов, – он кивнул на пехотинцев, – чувство юмора удалено химическим путем.

Холден покоился на Амоса. «Это что, флирт? По-моему, он с ней заигрывает». Мрачная мина Амоса надежно скрывала мысли.

Лейтенант постучал по дисплею терминала.

– Протеин, добавки, водоочистители и антибиотики? Можно взглянуть?

– Да, сэр. – Наоми кивнула на люк. – Сюда, пожалуйста. Офицер ООН и двое солдат последовали за ней. Остальные вытянулись в позу настороженных часовых у самого шлюза. Амос ткнул Холдена локтем в бок и обратился к ним:

– Как делишки, ребята?

Ему не ответили.

– Я вот говорю приятелю, мол, спорим, у них между ног под этими жестянками жуть что делается!

Холден зажмурился и мысленно пожелал Амосу прикусить язык. Не сработало.

– Я к тому, что ваши умники-конструкторы все предусмотрели, а вот яйца почесать – никак. А если, боже упаси, построение, вам же на палубу не втиснуться, а они только место занимают!

Холден открыл глаза. Теперь все солдаты смотрели на Амоса, но никто не шевелился и ничего не говорил. Холден задвинулся в самый темный угол и попытался вжаться в стену. На него никто и не оглянулся.

– Ну вот, – добродушно продолжал Амос, – я с ним поспорил и надеюсь, вы, ребята, подтвердите, что я прав.

Ближайший десантник сделал полшага вперед и остановился.

– Так вот, я поспорил, – объяснял Амос, – что надежности ради вам попросту отрезают все, что можно прищемить. К тому же это спасает вас от искушения лапать друг друга долгими корабельными ночами.

Солдат сделал еще шаг, и Амос тут же выдвинулся ему навстречу, сокращая дистанцию. Чуть не ткнувшись носом в щиток шлема, туманя своим дыханием стекло, он закончил:

– Ну, скажи прямо, Джо: верно, что у вас там гладко, как у ваших скафандров?

Долгое напряженное молчание прервал тихий звук: кто-то кашлянул у люка. В коридор вошел лейтенант.

– У вас проблемы?

Амос с улыбкой отступил назад.

– Никаких. Просто знакомлюсь с милыми людьми, на которых уходят мои налоги.

– Сержант? – спросил лейтенант.

Десантник отступил на прежнее место.

– Нет, сэр, никаких проблем.

Лейтенант обернулся, чтобы пожать руку Наоми.

– Приятно было познакомиться, капитан Эстанция. Вам скоро радируют разрешение на посадку. Народ на Ганимеди наверняка обрадуется доставленному вами продовольствию. – Рада быть полезной, – ответила Наоми, заслужив ослепительную улыбку лейтенанта.

Когда ооновцы закончили шлюзование и отчалили в своей шлюпке, Наоми протяжно выдохнула и принялась растирать щеки.

– Чуть не треснули от этой улыбочки.

Холден ухватил Амоса за рукав.

– Что. За. Хрень, – сквозь зубы процедил он, – ты тут устроил?

– А что? – встрепелась Наоми.

– Пока тебя не было, Амос всеми силами бесил этих парней. Диво, как они не пристрелили его, а заодно и меня.

Амос покосился на руку Холдена, сжимавшую его рукав, но освободиться не попытался.

– Кэп, ты хороший парень, а вот контрабандист – никакой.

– Что? – повторила Наоми.

– Капитан так нервничал, что даже мне почудилось, будто он что-то скрывает. Вот я и отвлек солдатиков до вашего возвращения, – объяснил Амос. – А стрелять они не могли, пока я их не трогал и не доставал оружия. Кто у нас служил во флоте? Ты же должен помнить инструкцию.

– Так... – начал Холден.

– Так, – перебил Амос, – если лейтенант их о нас спросит, они расскажут про поганца-механика, который наплевал им в лицо, а не про нервного паренька со щипаной бородкой, который все норовил спрятаться в угол.

– Черт!.. – сказал Холден.

– Ты хороший капитан, в драке я всегда тебя прикрою. А вот как преступник ты полное дерьмо. Ты просто не способен сыграть кого-нибудь, кроме самого себя.

– Не хочешь снова принять командование? – спросила Наоми. – Достала меня эта работа.

* * *

– Башня Ганимеда, это «Лунатик», повторяю запрос на посадку, – говорила Наоми. – Патруль ООН дал нам пропуск, а вы уже три часа держите на низкой орбите. – Отключив микрофон, она добавила: – Засранцы.

Ей ответил не тот голос, от которого они несколько часов добивались разрешения на посадку. Этот оказался старше и не таким раздраженным.

– Прошу прощения, «Лунатик», я вставлю вас в сетку при первой возможности. Но последние десять часов шли непрерывные посадки, и нам надо отправить десятки кораблей, прежде чем начнем принимать новые.

Холден подключил свой микрофон.

– Мы говорим с диспетчером?

– Да. Старший диспетчер Сэм Снеллинг – можете записать, на кого жаловаться. Снеллинг, с двумя «л».

– Нет-нет, – возразил Холден, – никаких жалоб. Мы видим, как взлетают корабли. Это беженцы? Судя по тоннажу, половина населения спасается бегством.

– Нет. Несколько чартерных рейсов и коммерческих линий вывозят людей, но большей частью взлетают грузовики с продовольствием.

– С продовольствием?

– Мы отправляем почти сто тонн пищевых продуктов в день, а бои задержали многих на поверхности. Теперь, когда сквозь блокаду начали пропускать, они продолжают поставки.

– Постойте, – сказал Холден. – Я готовлюсь к посадке, имея на борту продовольственную помощь для голодающего населения Ганимеда, а вы отправляете со спутника сотни тонн еды?

– Примерно полмиллиона кило, учитывая задержку, – уточнил Сэм, – но это не наша еда. Большая часть пищевой промышленности Ганимеда принадлежит корпорациям, а их штаб-квартиры не здесь. На эти поставки завязаны большие деньги. За каждый день задержки рейсов кто-то теряет целое состояние.

– Я... – начал Холден и осекся. – «Лунатик», конец связи. Он вместе с креслом развернулся лицом к Наоми. Та замкнулась: значит, была так же сердита, как и он.

Амос, болтавшийся вокруг пульта механика с похищенным из запасов продовольствия яблоком, спросил:

– Неужто тебя это удивляет, капитан?

Четыре часа спустя они получили разрешение на посадку.

* * *

Ни с низкой орбиты, ни даже при спуске они не заметили на поверхности Ганимеда особых перемен. Этот спутник Юпитера и в лучшие времена представлял собой пустыню из серых камней и почти такого же серого водяного льда, изрытую кратерами и замерзшими мгновенно после прорыва озерами. Все это напоминало поле битвы еще тогда, когда предки человека впервые выползли на сушу.

Впрочем, человечество со свойственной ему изобретательностью и предприимчивостью сумело внести свой вклад. В конце длинного черного шрама на поверхности спутника Холден высмотрел останки истребителя. Ударная волна от его падения сплющила маленькие купола километров на десять окрест. Вокруг скелета корабля сновали спасательные катера, интересуясь не столько спасением выживших, сколько новейшими технологиями и информацией, уцелевшей при катастрофе. Не отдавать же все это в руки противника!

Самой серьезной из видимых потерь представлялся огромный агрикультурный купол, одно из гигантских строений из стекла и металла, защищавших гектары заботливо возделанной земли и великими усилиями вскормленные побеги. Вид купола, раздавленного смятым металлом – кажется, это была зеркальная установка, – потрясал и приводил душу в смятение. Купола кормили внешние планеты особыми сортами хлебных культур – под ними творились величайшие чудеса агрономической науки. А орбитальные зеркала были чудесами инженерии. Влупить одним чудом по другому и оставить их в руинах!.. Большой близорукой глупости Холден и представить себе не мог – разве что нагадить в собственные запасы воды, чтобы врагу не досталось.

К тому времени, когда «Лунатик» уладил свои скрипящие кости на отведенной ему площадке, Холден был вне себя от человеческой глупости.

И конечно, она тут же сунулась ему под нос.

Таможенный инспектор ожидал их на выходе из шлюза. Тощий как жердь мужчина с красивым лицом и лысой, будто яйцо, головой. Его сопровождали двое в неприметной форме охраны, с тазерами⁸ в поясных кобурах.

– Здравствуйте, меня зовут мистер Ведас, я таможенный инспектор одиннадцатого порта, площадки от А-четыренадцать до А-двадцать два. Вашу декларацию, пожалуйста.

Наоми, снова входя в роль капитана, выступила вперед.

– Декларацию радировали вашей службе перед посадкой. Я...

Холден видел, что ни у Ведаса, ни у сопровождающих охранников нет при себе служебных терминалов для инспекции груза, да и обмундирование охранников отличалось от формы портовой службы Ганимеда. Он чувствовал, что кое-кто тут намерен разыграть любительский спектакль. Шагнув вперед, он помахал Наоми.

– Я с ними разберусь, капитан.

Таможенный инспектор Ведас смерил его взглядом.

– А вы кто такой?

– Зовите меня мистер Не-морочьте-мне-голову.

⁸ Тазер – разновидность электрошокера.

Ведас оскалился, пара охранников подошла ближе. Холден улыбнулся им и, запустив руку за спину, извлек из-за пояса большой пистолет. Он держал его вдоль бедра, дулом вниз, но Ведас побледнел и отступил.

– Знаю, как вы трясете народ, – продолжал Холден. – Требуете декларацию, потом сообщаете, что было внесено в нее по ошибке. А пока мы составляем и отсылаем службе новую, срываете цветочки с груза и загоняете их на черном рынке. Полагаю, за продовольствие и медикаменты там хорошо платят.

– Я – законный представитель станции Ганимед, – прокрипел Ведас. – Вы рассчитываете запугать меня оружием? Я потребую от портовой охраны арестовать вас и интернировать корабль, если...

– Нет, я и не думал вас запугивать, – ответил Холден, – но я по горло сыт идиотами, жиреющими на чужом несчастье, и мне очень полегчает, если мой большой и сильный друг Амос избьет вас в лепешку за попытку украсть еду и лекарства у беженцев.

– Это не запугивание, а средство для снятия стресса, – дружелюбно пояснил Амос.

Холден кивнул ему.

– Ты очень сердит на парня, который хотел украсть еду у голодающих?

– Жуть как сердит.

Холден постучал себя пистолетом по бедру.

– Пушка у меня только для того, чтобы ваша «портовая охрана» не вмешалась, пока Амос спускает злость.

Мистер Ведас, таможенный инспектор одиннадцатого порта, площадок с A14 по A22, развернулся и помчался во всю прыть. Нанятые им копы не отставали.

– Ну что, доволен собой? – спросила Наоми. Она странно, оценивающе смотрела на Холдена и говорила нейтральным тоном, не обвиняя и не одобряя.

Холден вложил пистолет в кобуру.

– Давайте выяснять, что за чертовщина здесь творится.

Глава 7. Пракс

Штаб службы безопасности располагался на третьем от поверхности уровне. Отделка стен и независимая силовая установка выглядели роскошью в сравнении с голым льдом других помещений станции, но в действительности они служили важными сигналами. Как некоторые растения яркой листвой возвещают о скрывающемся в них яде, так штаб безопасности возвещал, что он неприступен. Мало того что невозможно было пробурить лед, чтобы тайком вывести из камеры друга или любовника, – каждому следовало видеть, что это невозможно, иначе кто-нибудь непременно попытался бы.

За годы жизни на Ганимеде Пракс побывал здесь всего однажды, да и то как свидетель. Тогда он оказывал содействие закону, а не просил о помощи сам. За прошедшую неделю он возвращался сюда двенадцать раз: ждал в длинной, безнадежной очереди, не находя себе места и отгоняя нарастающее чувство, что ему следовало быть не здесь и заниматься чем-то другим. Чем – он сам не знал.

– Сожалею, доктор Менг, – сказала женщина из-за дюймового, армированного проволокой стекла окошка справочной службы. Она выглядела усталой. Не просто усталой – совершенно выжатой. Контуженной. Убитой. – Сегодня опять ничего.

– Могу я с кем-нибудь поговорить? Должен же быть способ...

– Сожалею, – повторила она, глядя мимо него на следующего отчаявшегося, испуганного, давно не мытого человека, которому она не сумеет помочь. Пракс ушел, скрипя зубами от бессильной ярости.

Очередь растянулась на два часа: мужчины, женщины, дети стояли, прислонившись к стене, или сидели. Кое-кто плакал. Девушка с красными глазами курила марихуану, запах ее сигареты забивал вонь толпы, набившейся в тесное помещение, дымок завивался на фоне таблички «Не курить». Никто не возмущился. Все они загнанным видом походили на беженцев, даже те, кто здесь родился.

Со дня официального прекращения боев марсиане и земляне оттянулись на прежние позиции. Житница внешних планет превратилась в пустыню между ними, и вся станция думала лишь об одном: как бы отсюда выбраться.

Поначалу порты охранялись вооруженными силами участников конфликта, но скоро те и другие вернулись на свои безопасные корабли, и ничто уже не сдерживало паники на станции. Из порта выпустили несколько набитых битком пассажирских транспортов. Цена на билеты разоряла людей, годами работавших в самой высокооплачиваемой технологической отрасли вне Земли. Тем, кто победнее, предоставили пробираться зайцами на грузовые беспилотники и крошечные яхты. Иные в надежде добраться до Европы ограничивались модифицированным скафандром с реактивным ранцем. Паника гнала от опасности к опасности, пока человек не находил себе могилу. У станций охраны, у портов, даже у опустевших военных постов Марса и ООН толклись люди, искавшие хоть какого-то подобия защиты.

Пракс мечтал быть среди них.

В его жизни установилось некое подобие ритма. Он просыпался в своей комнате – ночевал всегда дома на случай, если Мэй возвратится. Ел что подвернется. В последние два дня, правда, уже не нашлось ничего, но среди декоративных растений в парковых коридорах попадались съедобные. Так или иначе, есть ему не хотелось.

Потом он просматривал тела.

В первую неделю госпитальная служба выпускала видеоролики для опознания погибших. Теперь ему приходилось глядеть на реальных мертвецов. Он искал ребенка, что избавляло от необходимости осматривать большинство тел, но увиденное все равно застревало в памяти. Дважды он находил изуродованные до неузнаваемости трупы, которые могли быть Мэй, но у

одного на шее оказалось родимое пятно, похожее на след от укуса, а другой отличался формой ногтей. Те мертвые девочки были чужим горем. Убедив себя, что в списках погибших Мэй нет, он начинал охоту. В первую ночь после ее исчезновения он составил список на своем терминале. Официальные лица, с которыми можно связаться: охрана, ее врачи, представители воюющих сторон. Люди, которые могут что-то знать: родители детей из ее учебной группы, из группы медицинской поддержки, мать девочки. Проверить излюбленные места: дом лучшей подружки, парки, магазин сладостей, торгующий лаймовым шербетом – Мэй всегда его выпрашивала. Места, где похищенного ребенка могли использовать с сексуальными целями: список баров и борделей с сохраненной копии плана станции. В системе была обновленная версия, но доступ к ней пока ограничили. Каждый день он вычеркивал из списка строки, сколько успевал, а когда вычеркнул все, начал заново.

Вскоре список превратился в расписание. Служба безопасности – каждый второй день, а в промежутках – военные представители Марса или ООН, если кто-то из них соглашался с ним поговорить. По утрам, после осмотра тел, – парки. Семья лучшей подружки Мэй выбралась со станции, так что их проверять не приходилось. Лавку сладостей сожгли мятежники. Труднее всего оказалось отыскать ее врачей. Педиатр, доктор Агастин, проявила должную озабоченность и обещала позвонить, если что-то узнает, но, когда он перезвонил три дня спустя, не вспомнила, о чем речь. Хирург, помогавший чистить абсцессы вдоль позвоночника и первым поставивший диагноз, ее не видел. Доктор Стрикланд, ведущий врач группы поддержки, пропал. Сиделка Абуакар погибла.

Другим семьям из терапевтической группы хватало своих трагедий. Пропала не одна Мэй. Като Мертон, Габби Солюз, Сандро Вентисиет. Он видел на лицах их родителей отражение собственного страха и отчаяния, и встречаться с ними казалось тяжелее, чем осматривать трупы. Тяжелее было забыть страх. И все же он с ними встречался.

Басиа Мертон – Катопапа, как звала его Мэй, – был мускулистым мужчиной. От него всегда пахло перечной мятой. Лицо его тощей как карандаш жены кривилось в нервной улыбке. У них был шестиотсечный, отделанный шелком и бамбуком дом возле водораздаточного комплекса на пятом от поверхности уровне. Открыв дверь, Басиа не улыбнулся и не поздоровался: просто повернулся и шагнул в сторону, впуская посетителя. Пракс прошел за ним.

Усадив гостя за стол, Басиа налил ему стакан чудом не прокисшего молока. Со дня исчезновения Мэй Пракс приходил к нему в пятый раз.

– Что, ни следа? – В словах Басиа, в сущности, не было вопроса.

– Ничего нового, – ответил Пракс. – Тоже новость.

Из задней комнаты послышался рассерженный девичий голос. Ему вторил мальчишеский. Басиа не обернулся.

– У меня тоже ничего, извини.

Вкус у молока был чудесный: нежный, богатый, мягкий. Пракс будто чувствовал, как калории и питательные вещества просачиваются в клетки. Ему пришло в голову, что физически он, вероятно, истощен.

– Надежда еще есть, – сказал он.

Басиа выдохнул, словно сказанное Праксом ударило его под дых. Поджав губы, он устоял в стол. Ссора в дальней комнате перешла в тихий мальчишеский плач.

– Мы уезжаем, – сказал Басиа. – У меня кузен на Луне работает, в «Магеллан-биотехе». Они посылают корабли с гуманитарной помощью. Когда разгрузят медикаменты, там освободится место для нас. Все устроено.

Пракс отставил стакан с молоком. В комнате было спокойно и тихо, но он знал – это иллюзия. Что-то сдавило ему горло и грудь. Лицо побелело – он как наяву вспомнил жену, объявляющую о разводе. Предательство. Опять его предали.

– ...и потом еще несколько дней, – говорил Басиа. Пракс его не слушал.

– А как же Като? – выдавил он сквозь ком в горле. – Он ведь где-то здесь.

Взгляд Басиа испуганной птицей метнулся в сторону.

– Нет. Нет его, брат. У мальчика не иммунная система, а болото. Ты же знаешь, без лекарств он оказывается серьезно болен на третий, самое позднее на четвертый день. А мне надо подумать о двух оставшихся детях.

Пракс кивнул: тело отреагировало помимо сознания. Казалось, где-то у него в голове раскручивался маховик. Бамбуковый стол показался неестественно шершавым. Запахло тающим льдом. От молока на языке остался кислый вкус.

– Откуда тебе знать? – спросил он, стараясь говорить мягко. Вышло не очень.

– Да уж знаю.

– Им... тем, кто забрал Мэй и Като, они мертвыми не нужны. Они знали, должны были знать, что детям необходимы лекарства. А значит, вполне могли доставить их туда, где лечение есть.

– Никто их не забирал, брат. Они пропали. Что-то с ними случилось.

– Учительница Мэй сказала...

– Учительница обезумела от страха. Для нее вся жизнь сводилась к тому, чтобы карапузы не наплевали друг другу в рот, а тут внезапно рядом – стрельба. Какой черт знает, что она видела?

– Она сказала: «Мать Мэй и врач». Врач...

– А, брось ты. Мертвыми не нужны? Мы здесь по горло завалены мертвецами, не знаю уж, кому они понадобились.

Идет война. Эти гады начали войну. – В его широких темных глазах стояли слезы, в голосе звучало горе, но сил не осталось. – На войне люди гибнут. И дети гибнут. Тебе бы... а, черт! Тебе бы подумать, как жить дальше.

– Ты не знаешь наверняка, – сказал Пракс. – Ты не знаешь, что они умерли, а раз так – ты их бросаешь.

Басиа смотрел в пол. К лицу его медленно приливалась краска, губы подергивались, загибаясь уголками вниз.

– Ты не имеешь права бежать, – сказал Пракс. – Ты должен остаться и искать их.

– Не надо, – отозвался Басиа. – И не смей кричать на меня в моем доме.

– Это наши дети, мы не можем от них отвернуться! Что ты за отец? То есть, господи...

Басиа склонился вперед, навалившись на стол. В комнату заглянула совсем юная девушка, ее глаза округлились от страха. Пракс чувствовал, как крепнет в нем решимость.

– Ты останешься, – сказал он.

Молчание продлилось на три удара сердца. На четыре. На пять.

– Все уже решено, – сказал Басиа.

Пракс ударил его. Он не планировал, не собирался бить. Рука оттянулась назад, кулак сжался и метнулся вперед сам по себе. Костяшки пальцев вмялись в щеку Басиа, качнув его от стола. Силач вскипел и бросился на Пракса. Первый удар пришелся под ключицу, второй в ребра, потом был еще удар – Пракс почувствовал, как стул выскользнул из-под него и начал падать – медленно из-за малого тяготения, но подтянуть под себя ноги он не успевал. Задержавшись, он лягнул наугад и почувствовал, что попал куда-то пяткой, но не знал, по столу или в Басиа.

Едва Пракс очутился на полу, нога Басиа ударила его в солнечное сплетение. Мир стал ярким, расплывчатым и болезненным. Где-то очень далеко закричала женщина. Он не понимал слов. А потом понемногу все-таки разобрал:

– Он не в себе! Он тоже потерял ребеночка! Он не в себе!

Пракс перевернулся, поднялся на колени. Кровь на подбородке наверняка была его собственной. Больше здесь никто кровь не проливал. Басиа стоял у стола, сжав кулаки, и часто

дышал, раздувая ноздри. Его дочка загородила Пракса от разъяренного отца. Пракс видел только ее попу, собранные в хвост волосы и ладони, распростертые извечным жестом защиты. Девочка спасла ему жизнь.

– Ты бы лучше ушел, брат, – сказал Басиа.

– Ухожу, – согласился Пракс.

Медленно поднявшись на ноги, пошатываясь и задыхаясь, он направился к двери. Его не провожали.

* * *

Секрет коллапса замкнутой ботанической системы таков: дело не в одном событии, а в каскаде. Первый раз он потерял целый урожай глицинового кеннона из-за грибка, который никак не вредил сое. Споры, возможно, занесли с грузом божьих коровок. Грибок обосновался в гидропонной системе, весело пожирая подкормки, предназначенные не для него, и изменяя кислотность. Это ослабило бактерии, введенные Праксом для фиксации азота, настолько, что они оказались уязвимыми перед фагом, которому раньше успешно сопротивлялись. В системе полетел азотный баланс. Пока бактерия восстанавливала первоначальную популяцию, соя успела пожелтеть и скукожиться – ее было уже не спасти.

К этой метафоре он прибегал, размышляя о Мэй и ее иммунной системе. В сущности, проблема была пустяковой. Мутантная аллель продуцировала белок, закрученный не вправо, а влево. Отличались только несколько пар оснований, но этот белок запускал передачу сигнала к Т-лимфоцитам. Все части системы были готовы к борьбе с патогенным вторжением, но без двух доз искусственного катализатора в день сигнал тревоги вечно молчал. Это называлось «преждевременным старением иммунитета Майера-Скелтона», и ученые все еще не решили, потому ли болезнь более распространена вне Земли, что действует низкая гравитация, или просто повышение радиационного фона стимулирует мутацию генов. Какая разница? В четыре месяца Мэй подцепила где-то инфекцию позвоночника. На любой другой из внешних планет она бы умерла. Но рожать все летели на Ганимед, и потому здесь сосредоточились ученые, специализирующиеся по детским болезням. Доктор Стрикланд, увидев абсцессы, распознал причину и сдержал развитие каскада.

Пракс шел по коридору к дому. Он не запомнил этого удара, но челюсть распухла и болела. Ребра слева резко отзывались на глубокие вдохи, и он старался дышать ровно. Задержавшись в парке, он сорвал несколько листьев себе на обед. Постоял у большой клумбы с *Eriopremnum aureum*. Что-то было не так с широкими лопатами его листьев. Они еще сохранили зелень, но стали толще и отливали золотом. Кто-то запустил в гидропонную систему дистиллированную воду вместо насыщенного минералами раствора. Гидропонная система могла выдерживать такое неделю, может, две. Потом растения, восстанавливающие кислород, начнут умирать, и прерывать каскад к тому времени будет поздно. Тот, кто не знает даже, какой водой питать растения, едва ли справится с наладкой механических восстановителей воздуха. Кто-то должен этим заняться.

Кто-то, но не он.

В его комнате маленький глициновый кеннон тянул листики к свету. Пракс машинально запустил пальцы в грунт. Густой запах правильно подобранной почвы заменял ему благоволения. Учитывая все обстоятельства, растение неплохо держалось. Пракс взглянул на дисплей терминала. Три часа, как он вернулся домой. Боль в челюсти сменилась неотступным ноющим воспоминанием.

Без лекарств нормальная флора кишечника начнет неудержимо расти. Бактерии, постоянно обитающие у Мэй во рту и в горле, восстанут против нее. Еще две недели она, возможно, проживет, но даже в лучшем случае болезнь станет тяжелой и вряд ли излечимой.

Это война. На войне гибнут дети. Это каскад. Он закашлялся и скрючился от боли, но боль была легче, чем мысли.

Он должен уйти. Выбраться отсюда. Ганимед умирает. Пракс ничем не поможет Мэй. Ее больше нет. Его малышки больше нет.

Плакать было больнее, чем кашлять.

Он не заснул – потерял сознание. А когда проснулся, распухшая челюсть щелкнула при попытке зевнуть. Ребрам стало чуть лучше. Пракс сел на краю кровати, обхватил голову руками.

Надо пойти в порт. Найти Басиа, извиниться перед ним, попросить взять с собой. Покинуть систему Юпитера, забраться куда подальше и начать жизнь сначала, забыв о прошлом. Забыв разбитую семью и потерянную работу. Без Мэй. Он выбрал рубашку почище и переоделся. Протер подмышки влажной тряпкой, зачесал назад волосы. Он проиграл. Все зря. Надо смириться с потерей и жить дальше. Возможно, когда-нибудь ему это удастся.

Пракс проверил свой терминал. На этот день был назначен осмотр тел, поход в парк, звонок доктору Астриган и проверка пяти борделей, куда он еще не заглядывал с вопросами о нелегальных радостях педофилии в надежде, что его не выпотрошит какой-нибудь добродетельный законопослушный громила. У громил тоже бывают дети, порой даже любимые. Вздыхнув, он добавил в расписание новый пункт: «Минерализация воды в парках». Придется найти человека с кодом допуска к питанию растений. Может, хоть здесь служба безопасности способна будет посодействовать.

И может, где-то по пути он найдет Мэй.

Он все еще надеялся.

Глава 8. Бобби

«Арман Да-Джанг» был дредноутом класса «Доннаджер» – полкилометра в длину, четверть миллиона тонн сухого веса. В доке поместилось бы четыре конвойных фрегата и еще несколько челноков и ремонтных устройств. Сейчас здесь стояло всего два корабля: большой, роскошный шаттл, доставивший марсианского посла и госчиновников, которые летели на Землю, и маленький, но куда более функциональный флотский челнок, подкинувший Бобби от Ганимеда. Оставшуюся площадь Бобби использовала для спортивной пробежки.

Дипломаты наседали на капитана «Да-Джанга», требуя немедленно доставить их на Землю, и потому корабль почти непрерывно шел на одном g. Для большинства марсиан это было неприятно, зато Бобби отлично подходило. Военных постоянно тренировали на перегрузки и не менее раза в месяц проводили продолжительные учения на одном g. Никто не объяснял, что их готовят к боевым действиям на Земле. Ясно было и без того.

Командировка на Ганимед лишила ее тренировок на перегрузку, зато долгий перелет к Земле предоставил отменную возможность вернуть форму. Меньше всего ей хотелось показаться аборигенам слабачкой.

– Я могу все, что можете вы, только лучше, – напевала она на бегу задышающимся фальцетом. – Все, что можете вы, только лучше.

Бобби бросила взгляд на браслет с часиками. Два часа. При таком неторопливом темпе это двенадцать миль. Многие ли земляне регулярно пробегают по двенадцать миль? Марсианская пропаганда внушала, что половине землян и работать-то не приходится: живут на государственные дотации и тратят скудный доход на наркотики и стимуляторы. Ну, может, кое-кто и пробегает по двенадцать миль. Она бы поспорила, что команда Снупи могла пробежать, судя по тому, как они мчались от...

– Я могу все, что можете вы, только лучше, – пропела Бобби и сосредоточилась на шлепках своих подошв по металлической палубе.

Она не заметила вошедшего в док посыльного и, удивленно обернувшись на его оклик, запуталась в собственных ногах и едва успела выставить вперед левую руку, чтобы не расплескать мозги по палубе. В запястье что-то хрустнуло, правое колено больно ткнулось в пол, и она перекатилась, смягчая удар.

Полежала на спине, двигая руками-ногами, проверяя, нет ли серьезных повреждений. Было больно, но нигде ничего не скребло. Значит, переломов нет. Едва вышла из госпиталя и уже ищет новых приключений на башку! Посыльный подбежал к ней, поспешно присел рядом.

– Бог мой, сержи, ну вы и грохнулись! – проговорил флотский. – Ну и грохнулись!

Он пощупал ей правое колено, на котором ниже спортивных шорт уже наливался синяк, потом спохватился и отдернул руку.

– Сержант Драпер, вас приглашают на совещание в конференц-зале G в четырнадцать пятьдесят, – срывающимся баском отбарабанил парень. – Почему вы не взяли с собой терминатор? Вас долго не могли найти.

Бобби кое-как поднялась на ноги, опасливо попробовала колено: удержит ли?

– Ты сам ответил на свой вопрос, малыш.

* * *

Бобби явилась в конференц-зал за пять минут до срока. Она до стрелок отгладила форму красноватого с хаки цвета. Камуфляж нарушала лишь белая повязка на запястье – медик компании определил легкое растяжение. Десантник в полном боевом снаряжении, со штурмовой

винтовкой, открыл дверь и улыбнулся девушке. Улыбка у него была приятная – ровные белые зубы, глаза – черные, миндалевидные.

Бобби улыбнулась в ответ и прочитала имя на скафандре. Капрал Мацуки. Никогда не знаешь, с кем столкнешься на камбузе или в весовой, так что завести друзей не мешает.

Она не успела задержаться: кто-то изнутри окликнул ее по имени.

– Сержант Драпер, – повторил капитан Торссон, нетерпеливо указывая на стул за длинным столом для совещаний.

– Сэр. – Прежде чем сесть, Бобби четко отсалютовала. И удивилась, как мало народа собралось. Только Торссон из разведки и двое незнакомых штатских.

– Сержант, мы обсуждали подробности вашего рапорта. Вы внесли ценный вклад.

Минуту Бобби ждала, что ей представят незнакомцев, затем, поняв, что Торссон не намерен называть их имена, ответила:

– Да, сэр, готова помочь, чем могу.

Заговорила первая из штатских – суровая с виду рыжеволосая женщина в очень дорогом костюме:

– Мы пытаемся уточнить ход событий, предшествовавших атаке. Вы сможете указать на карте, где располагались со своей стрелковой командой, когда приняли по радиации вызов на пост? Бобби показала, потом шаг за шагом описала, что происходило в тот день. Рассматривая принесенную ими карту, она впервые поняла, как далеко на лед отбросило ее падение орбитального зеркала. Похоже, всего несколько сантиметров отделяло Бобби от превращения в прах вместе со всем взводом...

– Сержант... – Судя по интонации, Торссон обращался к ней не в первый раз.

– Простите, сэр, задумалась, глядя на снимки. Больше не повторится.

Торссон кивнул, но на лице его мелькнуло странное, непонятное Бобби выражение.

– Мы хотим установить, где именно располагался Феномен перед атакой, – сказал второй штатский, пухлый мужчина и редкими каштановыми волосами.

Теперь это называется «Феномен». И произносит он это с большой буквы. Феномен – нечто случившееся ни с того ни с сего. Редкое, непредсказуемое явление. Просто все еще боятся назвать его по имени: Оружие.

– Итак, – говорил пухлый, – основываясь на продолжительности вашего радио-контакта и на сведениях о потере радиосигнала на точках в окрестностях вашего района, мы выяснили, что источник глушения совпадает с положением самого Феномена.

– Пойдите, – качнула головой Бобби, – как это? Монстр не мог глушить радио, у него не было никакой техники. Даже скафандра, чтобы дышать, не было! Где могла прятаться глушилка?

Торссон отечески потрепал ее по руке, чем не столько успокоил, сколько разозлил Бобби.

– Данные не лгут, сержант. Зона глушения перемещалась. И центром ее все время оставалось это... создание. Феномен, – сказал Торссон и отвернулся, вступая в разговор с пухлым и рыжеволосой.

Бобби откинулась назад, чувствуя, как этот зал угнетает ее, словно она одна здесь осталась без партнера по танцу. Но Торссон ее не отпускал, значит, просто уйти нельзя.

Рыжая сказала:

– На основании данных о потере сигнала, он был внедрен сюда, – палец ткнул в какую-то точку на карте, – и продвигался к посту ООН вдоль этого хребта.

– Что это за место? – нахмурился Торссон.

Пухлый развернул вторую карту и несколько секунд разбирался в ней.

– Похоже, старый сервисный тоннель гидростанции купола. Здесь сказано, что он десятки лет как не используется.

– Ну вот, – сказал Торссон, – как раз подходит, чтобы тайно доставить через него нечто опасное.

– Да, – согласилась рыжая, – возможно, они перемещали его к марсианскому посту, а он вырвался на волю. Десантники с ним не совладали и бросились бежать.

Бобби не сдержала презрительного смешка.

– У вас есть что добавить, сержант Драпер? – обернулся к ней Торссон.

Он смотрел на нее со своей загадочной усмешкой, но Бобби за время знакомства с разведчиком хорошо усвоила: больше всего он ненавидит пустословие. Если открываешь рот, проверь, действительно ли необходимо то, что ты собираешься сказать. Двое штатских усталились на нее с таким изумлением, словно это таракан поднялся на две ноги и заговорил.

Бобби покачала головой.

– Знаете, когда я была салагой, сержант в учебке объяснял мне, что в Солнечной системе опаснее марсианских десантников. Знаете, что?

Штатские все так же таращились на нее, зато Торссон кивнул и одними губами подсказал ей:

– Десантники ООН.

Пухлый с рыжей переглянулись, рыжая закатила глаза. Но Торссон продолжал уже вслух:

– Так вы не верите, что бойцы ООН бежали от чего-то, с чем не могли совладать?

– Ни на ломаный грош, сэр.

– Тогда поведайте нам свое мнение.

– На посту ООН размещался целый десантный взвод. Такой же численности, как на нашем. А побежали они, когда осталось шестеро. Всего шестеро. Они дрались чуть не до последнего бойца. И бросились к нам не для того, чтобы вырваться из боя. Они рассчитывали, что мы их поддержим.

Пухлый поднял с пола кожаный портфель и принялся в нем рыться. Рыжая следила за ним, словно больше интересовалась его портфелем, чем словами Бобби.

– Будь это тайное оружие ООН, которое им поручили доставить или охранять, они бы к нам не побежали. Скорее умерли бы, чем провалили задание. Как и любой из нас.

– Благодарю вас, – произнес Торссон.

– Я хочу сказать: это ведь был не наш бой, и все равно мы до последнего пытались остановить тварь. Думаете, ооновцы хуже нас?

– Благодарю вас, сержант, – уже громче повторил Торссон, – я склонен с вами согласиться, но мы должны обсудить все версии. Ваше замечание услышано.

Пухлый наконец нашел то, что искал. Коробочку с мятными пастилками. Он достал одну и предложил коробочку рыжей. Воздух наполнил тошнотворно сладкий запах. Набив рот мятой, пухлый промычал:

– Спасибо, сержант. Думаю, мы больше не будем отнимать у вас время.

Бобби встала, снова отсалютовала Торссону и вышла из комнаты. У нее колотилось сердце и ныли стиснутые челюсти. Штатским не понять. Никому не понять.

* * *

Когда в грузовой отсек вошел капитан Мартенс, Бобби заканчивала разборку оружия, встроенного в правый рукав боевого скафандра. Она сняла с крепления трехствольный пистолет Гатлинга⁹ и положила его на пол рядом с тремя дюжинами деталей, снятых раньше. Рядом с ними стояли банка чистящего средства для оружия, бутылъ смазки и еще лежали разнообразные шомпола и щетки.

⁹ Оружие системы Гатлинга (пистолеты, пулеметы, картечники) – многоствольное оружие с вращающимися стволами.

Мартенс дождался, пока она отложит пистолет на подстилку, и сел на пол рядом с Бобби. Та прикрепила на шомпол проволоочный ершик, обмакнула в банку и один за другим принялась прочищать стволы. Мартенс наблюдал.

Через несколько минут Бобби сменила ершик на тряпицу и удалила из стволов остатки чистящего средства. Она уже смазывала механизм Гатлинга и систему подачи патронов, когда Мартенс наконец заговорил.

– Знаете, – сказал он, – Торссон с самого начала служил во флотской разведке. После подготовительных курсов и академии первое же назначение – в штаб флота. Он знает только хиликов из разведуправления. Последний раз стрелял двадцать лет назад, когда шесть недель провел в учебке. Он никогда не командовал стрелками, не служил в боевом взводе.

Бобби отложила бутылку со смазкой и начала сборку.

– Очень интересно, спасибо, что поделились.

– Так вот, – без запинки продолжал Мартенс, – что же вы такое вытворяете, если Торссон явился ко мне с вопросом, не сказывается ли еще ваша контузия?

Бобби выронила гаечный ключ, но подхватила его другой рукой, не дав упасть на палубу.

– Это официальный визит? Если нет, можете ва...

– Это я-то? Я не умник из разведки, – отрезал Мартенс. – Я десантник. Десять лет службы, пока мне не предложили перейти в социопсихологическую службу. Степень получил сразу в теологии и в психологии.

У Бобби зачесался нос, и она неосторожно потеряла его. Запах ружейного масла дал ей знать, что смазка у нее теперь по всему лицу. Мартенс глянул на Бобби, но не замолчал. Она попробовала заглушить его голос, с громким лязгом состыковывая детали.

– Я прошел муштру, тренажеры ближнего боя, боевые учения, – повысив голос, продолжал Мартенс. – Знаете, новобранцем я попал в лагерь, где моим первым сержантом стал ваш отец. Старший сержант Драпер, великий человек. Для нас, салаг, он был богом.

Бобби вскинула голову и прищурилась. Знакомство с этим мозгоправом словно чем-то марало память отца.

– Я не лгу. И будь ваш отец здесь, он бы велел вам меня выслушать.

– Идите вы!.. – отозвалась Бобби. И представила, как поморщился бы отец, видя, что она за бранью скрывает страх. – Ни хрена вы не знаете.

– Знаю, что, когда сержант артиллерии вашего уровня и боеготовности падает с ног при виде сопляка-посыльного, дело плохо.

Бобби отшвырнула ключ, расплескав смазочное масло. Пятно расплзлось по коврику, словно кровь.

– Я споткнулась, черт вас побери! Мы шли на полном г, и я просто... упала.

– А сегодняшнее совещание? Орать на штатских аналитиков, что десант умирает, но не сдается?

– Я не орала, – сказала Бобби, сомневаясь, что говорит правду. Едва она вышла из конференц-зала, в голове у нее все смешалось.

– Сколько раз вы стреляли со вчерашнего дня, когда чистили оружие?

– Что? – Бобби почему-то затошнило.

– Если на то пошло, сколько раз вы стреляли с позавчера, когда чистили его до того? Или еще раньше?

– Перестаньте, – попросила Бобби, слабо отмахнувшись и подыскивая место, куда сесть.

– Вы хоть раз стреляли с посадки на «Да-Джанг»? Мне известно, что пистолет вы чистите каждый божий день, а иногда и дважды в день.

– Нет, я... – Бобби наконец плюхнулась на ящик со снарядами. Она не помнила, чтобы вчера чистила оружие. – Я не знала!

– Это посттравматический синдром, Бобби, – сказал Мартенс, – но стыдиться тут нечего. Это не слабость, не моральная ущербность. Это неизбежно, когда человек переживает что-то ужасное. Ваше сознание не в силах переработать случившееся на Ганимеде, и потому вы действуете иррационально.

Мартенс, переместившись, оказался перед ней на корточках. Бобби испугалась, что психолог попытается взять ее за руку и тогда она его ударит.

Он не попытался.

– Вам стыдно, – говорил он, – а стыдиться тут нечего. Вас учили твердости, компетентности, готовности ко всему. Учили, что, если делать свое дело и не забывать уроков подготовки, вы с чем угодно справитесь. А прежде всего учили, что важнее всех на свете ваши соседи по стрелковой цепи.

Что-то дернулось под веком, и Бобби потеряла скулу с такой силой, что перед глазами вспыхнули искры.

– А потом вы наткнулись на такое, к чему вас не готовили, и оказались беззащитны. И потеряли сослуживцев, друзей. Бобби начала отвечать и поняла, что слишком долго задерживала дыхание, так что вместо слов из горла вырвался резкий выдох. Мартен не умолкал:

– Вы нам нужны, Роберта. Мы должны вернуть вас. Я не был там, где вы сейчас, но видел многих, побывавших там, и знаю, как вам помочь. Если вы мне позволите. Если станете говорить со мной. Я не могу ничего исправить, не могу вас вылечить, но вам станет лучше.

– Не называйте меня Робертой, – шепнула Бобби, почти не слыша сама себя.

Она коротко, часто подышала, стараясь прочистить голову, не отравившись при этом кислородом. Вокруг висело амбре грузового отсека, от скафандра тянуло резиной и металлом. Резкие запахи ружейного масла и гидравлической жидкости, въедавшиеся в металл, сколько бы ни драили палубу, состязались между собой. Мысль о тысячах флотских и десантников, которые проходили здесь, точно так же чистили свое снаряжение, привела ее в себя.

Бобби вернулась к полуразобранному оружию и подняла его с коврика, пока расплывавшаяся лужица смазки не залила деталей.

– Нет, капитан, беседа с вами мне не поможет.

– А что поможет, сержант?

– Что там убило моих друзей и развязало войну? Кто-то ведь протащил эту тварь на Ганимед? – Она со щелчком вставила пистолет в крепление, рукой прокрутила тройной ствол, и он провернулся с маслянистым шорохом высококачественного снаряжения. – Я узнаю кто. И убью их.

Глава 9. Авасарала

Доклад занимал больше трех страниц, зато Сорен умудрился отыскать человека, у которого хватило мужества признать, что он не всеведущ. На Венере творились странные дела, Авасарала прежде не знала и не догадывалась, насколько странные. Волокнистая сеть затянула планету почти идеальными шестигранными ячейками, и никто не понимал, что это и зачем, хоть и было установлено наличие в них перегретого водяного пара и электрических токов. Гравитация планеты возросла на три процента. Там, где останки Эроса рухнули на поверхность, по выбитому им кратеру парами, словно пловцы-синхронисты, бродили бензольные и гидрокарбонатные смерчи. Лучшие умы системы паялились на эти данные разинув рты и если пока еще не впали в панику, то лишь потому, что не решили, чего надо бояться.

С одной стороны, метаморфозы Венеры давали им в руки лучший научный инструмент, какой только существовал доселе. Все происходило открыто, на глазах. Никто не мог утаить от соперников результаты наблюдений. Вооружившись сканером, проникающим сквозь тучи серной кислоты, всякий оказывался способен непосредственно наблюдать за развитием ситуации. Можно было утаивать результаты анализов и предъявлять авторские права на выводы, но сырой материал принадлежал всем.

Увы, пока исследователи походили на стаю ящериц, наблюдающих за розыгрышем Кубка мира. Деликатно выражаясь, они не понимали, что видят.

Зато данные были ясны. Атака на Ганимед точно совпадала по времени с энергетическим всплеском на Венере. А почему – никто не знал.

– И чего все это стоит? – сказала она, закрыв ручной терминал и бросив взгляд за окно. Внутренний буфет напоминал один из лучших ресторанов, только здесь ни за что не надо было платить. Столики из настоящего дерева продуманно расставили так, чтобы от каждого открывался хороший вид и в то же время чтобы никто не мог подслушать беседу. Шел дождь. Даже не видя на стекле капель, размывавших город и небо, Авасарала узнала бы дождь по запаху. Ее обед – холодное саго и нечто совсем не похожее на цыпленка тандури – нетронутым стоял на столе. Сорен, сидевший напротив, наблюдал за ней бдительно и ненавязчиво – точь-в-точь собака-лабрадор.

– Судя по данным, взлетов не было, – заговорил он. – Если они привезли это на Ганимед с Венеры, то не оставили следов.

– Для того, что сейчас на Венере, закон инерции не писан и гравитационная постоянная не постоянна. Откуда нам знать, как у них выглядит взлет? Может, для них пустяк пешком прогуляться до Юпитера?

Парень понимающе кивнул. – Как у нас дела с Марсом?

– Условились встретиться здесь. Дипломаты вместе со свидетельницей уже в пути.

– Та десантница, Драпер?

– Да, мэм. Конвоем командует адмирал Нгайен.

– Он играет честно?

– Пока да.

– Ладно, что у нас дальше?

– В вашем кабинете ждет Жюль-Пьер Мао, мэм.

– Давайте-ка о нем. Все, что считаете существенным.

– Я присылал сводку...

Вспышка раздражения наполовину объяснялась смущением. Она запомнила, что досе было у нее на очереди. В той же очереди ожидали еще три десятка документов, а она плохо спала прошлой ночью – ей приснилось, что Арджуна внезапно умер. Такие кошмары

преследовали Авасаралу со времени гибели сына на горнолыжном спуске – сознание объединяло двух единственных в ее жизни мужчин, которых она любила.

Авасарала намеревалась просмотреть сводки до завтрака – и забыла. Но она не собиралась признаваться в оплошности перед каким-то щенком-европейцем только потому, что он был умен, компетентен и выполнял все распоряжения.

– Я знаю, что было в сводке. Я все знаю, – проговорила она, вставая. – Проверка на вшивость. Хочу знать, что вы считаете существенным.

Она нарочно быстрым шагом двинулась к дверям из резного дуба, чтобы заставить Сорена поспешать следом.

– У него контрольный пакет акций торгового дома «Мао – Квиковски». – Сорен так понизил голос, что звук замирал у нее в ушах. – До инцидента они были основными поставщиками «Протогена». Медицинское оборудование, помещения с излучателями, системы наблюдения и шифровальные устройства. Чуть ли не все, установленное «Протогеном» на Эросе, как и оборудование тайной станции, было получено со складов «Мао – Квиковски» и на их грузовом транспорте.

– И он все еще дышит воздухом свободы, а не?.. – удивилась она, толкнув дверь и выходя в коридор.

– Не доказано, что в «Мао – Квиковски» знали, для чего предназначалось оборудование, – пояснил Сорен. – После разоблачения «Протогена» «Маоквик» первыми сдали информацию в следственный комитет. Если бы они – а под «они» я подразумеваю «он» – не слили больше терабайта конфиденциальной переписки, Гутмандоттир и Колп могли бы так и не объявиться.

Седовласый мужчина с широким носом уроженца Анд, проходя им навстречу по коридору, оторвался от терминала и кивнул Авасарале.

– Виктор, – сказала она, – сочувствую. Аннет...

– Доктор сказал: все наладится, – ответил индеец. – Я передам ей, что ты беспокоилась.

– Передай мой совет: выбираться из постели, пока мужу не взбрело в голову каких-то глупостей, – сказала она, и мужчина рассмеялся, пропуская их. Авасарала снова обратилась к Сорену: – Он заключил сделку? Сотрудничество за милосердие?

– Такова одна из интерпретаций, но многие полагают, что он мстил за дочь.

– Она была на Эросе, – сказала Авасарала.

– Была, – подтвердил Сорен, вместе с ней входя в лифт. – Она стала первым переносчиком инфекции. Ученые полагают, что протомолекула использовала ее мозг и тело как образец.

Двери лифта закрылись, кабина уже знала, кто она и куда направляется. Пол плавно пошел вниз, а брови Авасаралы поползли вверх.

– Так переговоры с этим созданием...

– Велись с тем, что осталось от дочери Жюль-Пьера Мао, – подтвердил Сорен. – То есть так они считают.

Авасарала тихо присвистнула.

– Я прошел проверку, мэм? – холодно спросил Сорен. Лицо его было непроницаемо, и только искорки в глазах говорили: «Не морочьте мне голову!» Против воли Авасарала усмехнулась.

– Никто не любит умников, – бросила она. Лифт остановился, и двери разошлись.

Жюль-Пьер Мао сидел за ее столом, излучая спокойствие с легким намеком на иронию. Беглым взглядом Авасарала вобрала в себя все подробности: шелковый костюм от хорошего портного – оттенок на грани между серым и беж, – залысина, не исправленная медициной, яркие голубые глаза – это, возможно, врожденное. Он носил свой возраст как символ того, что сражение со временем и смертностью ниже его достоинства. Двадцать лет назад он был про-

сто ошеломительным красавцем, а сейчас к красоте добавилась еще и степенность, и первый, инстинктивный импульс внушил ей симпатию к этому мужчине.

– Мистер Мао, – кивнула ему Авасарала, – простите, что заставила ждать.

– Мне уже приходилось сотрудничать с властями, – ответил он. От его европейского выговора масло бы растаяло. – Я понимаю, в каких условиях вы работаете. Чем могу служить помощнику госсекретаря?

Авасарала опустила в кресло. Будда безмятежно улыбнулся со своего места. Дождь заливал окно, тени на лице Мао немного напоминали слезы. Она сплела пальцы.

– Хотите чаю?

– Нет, спасибо, – отказался Мао.

– Сорен, сходите, принесите мне чаю.

– Да, мэм, – отозвался молодой человек.

– Сорен!

– Да, мэм?

– И не спешите. – Конечно, мэм.

Дверь за ним закрылась. Мао устало улыбнулся.

– Мне следовало прийти с адвокатами?

– С этими крысками? Нет, – ответила она, – суд свое слово сказал. Я не собираюсь заново выкручивать руки закону. У меня есть работа.

– Это я уважаю, – сказал Мао.

– Возникла проблема, – сообщила Авасарала, – а я не знаю, в чем она.

– Думаете, я знаю?

– Возможно. Я не раз бывала на процессах по разным поводам. Большей частью все это – гимнастика по прикрыванию задницы. Если где и всплывает неприкрашенная истина, так только по недосмотру.

Голубые глаза прищурились, улыбка стала холоднее.

– Вы считаете, что я и мои подчиненные что-то скрывали? Я помог вам отправить в тюрьму могущественных людей, помощник госсекретаря. Я сжег мосты.

Жалобно бормотнул что-то отдаленный гром. Дождь с удвоенной яростью забарабанил по стеклу. Авасарала скрестила руки.

– Сожгли. Но это не значит, что вы идиот. Кое-что было сказано под присягой, но кое-что вы обошли. Эта комната не прослушивается, разговор не под протокол. Я должна знать о протомолекуле все, что вы знаете, но не сообщили на следствии.

Молчание между ними затянулось. Авасарала следила за его лицом, но этот человек давно научился скрывать свои мысли. Он был профессионалом в этом деле.

– Все теряется, – продолжала Авасарала. – Раз, во время финансового кризиса, мы обнаружили целый отдел аудита, о котором все забыли. Так уж заведено: берешь проблему и спихиваешь ее кому-нибудь, а потом тебе попадается другая часть той же проблемы, и ты поручаешь ее другим людям. И очень скоро у вас набирается семь, восемь, сто разных ящичков, и в каждом идет работа, а общаться между собой им не позволяют правила секретности.

– Так вы думаете?..

– Мы покончили с «Протогеном» с вашей помощью. Я хочу знать, не известны ли вам какие-нибудь другие ящички.

И очень надеюсь на утвердительный ответ.

– Кто хочет знать: военный министр или Эрринрайт?

– Ни тот, ни другой. Только я.

– Я уже сказал все, что знал, – возразил Мао.

– Не верю.

Маска соскользнула с его лица. Это длилось не более секунды: чуть изменился угол наклона позвоночника, шевельнулись желваки на скулах, и все пропало. Это проглянул гнев. Любопытно.

– Они убили мою дочь, – тихо проговорил Мао. – Если бы у меня было, что скрывать, я бы не стал.

– Как сюда замешалась ваша девочка? – спросила Авасарала. – Они на нее нацелились? Кто-то использовал ее против вас?

– Просто несчастливое стечение обстоятельств. Она сбежала от нас в дальний космос, хотела что-то доказать. Молодость, мятежность, глупость. Мы пытались вернуть ее домой, но... она оказалась в неподходящем месте в неподходящее время.

Что-то затикало в сознании Авасаралы. Предчувствие. Интуиция. Она решилась.

– Вы с тех пор получали от нее весточки?

– Не понимаю.

– Получали от нее вести после падения Эроса на Венеру? Еще любопытнее оказалось наблюдать, как он разыгрывает ярость. Гнев был почти настоящим. Авасарала не сумела бы сказать, что в нем выдавало фальшь. Возможно, слишком сознательный взгляд. Ощущение, что собеседник вникает в разговор острее прежнего. Настоящий гнев уносит человека. А этот был ходом в игре.

– Моя Джули мертва, – сказал он с драматической дрожью в голосе. – Погибла, когда эта мерзость извне рухнула на Венеру. Она погибла, спасая Землю.

Авасарала противопоставила наигранному гневу подчеркнутую мягкость. Она понизила голос, изображая заботливую бабушку. Если Мао играет оскорбленного мужчину, она ответит материнской лаской.

– Что-то выжило, – напомнила она. – Всем известно: что-то пережило удар. У меня есть причины полагать, что это нечто не осталось на месте. Если, изменившись, она хоть отчасти осталась вашей дочерью, то могла попытаться наладить контакт. Связаться с вами. Или с матерью.

– Больше всего на свете я хотел бы вернуть свою малышку, – произнес Мао, – но ее больше нет.

Авасарала кивнула.

– Ладно, – сказала она.

– Что-то еще?

Опять фальшивый гнев. Она задумчиво провела языком по зубам. Что-то еще тут есть, что-то скрывается. По виду Мао не угадаешь.

– Вам известно о Ганимеде?

– Там начались бои, – ответил он.

– Возможно, это не все, – возразила она. – То, что убило вашу дочь, еще на свободе. Оно появлялось на Ганимеде. Я намерена узнать, каким образом и зачем.

– Я сделаю все возможное, – упавшим голосом пробормотал Мао.

– Начните вот с чего: что вы не договорили на расследовании? Не упомянули кого-то из деловых партнеров? Скрыли программу поддержки или вспомогательное подразделение сотрудников? Мне нет дела, нарушили вы закон или нет. Я добьюсь для вас амнистии практически в любом случае, но услышать должна сейчас же. Не откладывая.

– Амнистия? – повторил он, словно услышал шутку.

– Если расскажете сейчас – да.

– Будь у меня что-то, я бы сказал, – ответил он, – но я ничего больше не знаю.

– Ну что ж. Простите, что отняла у вас время. И... что разбередила открытую рану. Я потеряла сына. Чаранпалу было пятнадцать. Несчастный случай на лыжах.

– Сочувствую, – проговорил Мао.

– Если что-то узнаете, сообщите мне, – попросила она. – Непременно.

Он встал. Авасарала задержала его почти в дверях, снова заговорив:

– Жюль?

Он обернулся через плечо, застыл, как на стоп-кадре.

– Если обнаружится, что вы что-то знали, а мне не сказали, я очень рассержусь, – проговорила она. – А я не из тех, кого стоит злить.

– Если я не знал этого раньше, теперь знаю. – Прощальная реплика Мао оказалась не хуже любой другой. Дверь за ним закрылась. Авасарала вздохнула и откинулась в кресле. Повернулась к Будде.

– Не слишком ты мне помог, толстяк, – пробормотала она. Статуя, как и следовало ожидать, не ответила. Приглушив лампы, Авасарала впустила в комнату серый грозовой свет. Что-то ее беспокоило.

Возможно, Мао просто проявил сдержанность опытного переговорщика, но она чувствовала, что ее отсеки от цепочки. Исключили из дела. Это тоже было любопытно. Авасарала задумалась, не попытается ли он вести дело через ее голову. Может, стоит предупредить Эрринрайта, чтоб ждал возмущенного звонка?

Она колебалась. Трудно поверить, чтобы там, на Венере, сохранилось нечто человеческое. Протомолекула, согласно общему мнению, предназначалась для внедрения в примитивные формы жизни и превращения их в нечто иное. Но если... Если человеческий мозг оказался слишком сложен, чтобы полностью подчиниться контролю, и девушка в некотором смысле пережила падение, если ей захотелось связаться с папочкой...

Авасарала дотянулась до ручного терминала и вызвала на связь Сорена.

– Мэм?

– Когда я говорю: «Не спешите», это не значит, что у вас выходной. Где мой чай?

– Иду, мэм. Меня отвлекли. Принесу рапорт, вам будет интересно.

– Остывший чай меня не интересует, – буркнула она и отключилась.

Установить за Мао серьезное наблюдение, вероятно, не получится. У торгового дома «Мао – Квиковски» собственные средства связи, собственные шифровальные схемы – соперничающие с ним предприятия вооружены не хуже ООН и не меньше стремятся раздобыть секреты фирмы. Но сигнал от Венеры к «Маоквик» можно поймать и другими способами. Как и любые сообщения, направленные из колодца в колодец¹⁰.

Сорен принес на подносе чугунный чайничек и керамическую чашку без ручки. Он ничего не сказал по поводу затемнения в комнате, а просто осторожно прошел к столу, опустил поднос, налил в темную чашку еще исходящий паром чай и поставил рядом с чайником свой ручной терминал.

– А копию переслать нельзя было? – спросила Авасарала.

– Так эффективнее, мэм, – объяснил Сорен. – Умение себя подать – это всё.

Она фыркнула и назло ему сперва взяла чашку, подула на темную жидкость и только потом взглянула на терминал. Метка в правом нижнем углу показывала, что передача послана с Ганимеда несколько часов назад, и давала код приложенного доклада. В кадре был мужчина с крепкими костями землянина и нечесаными темными волосами. В его красоте было что-то мальчишеское. Авасарала отхлебнула чай и нахмурилась.

– Что это у него с лицом?

– Офицер, приславший рапорт, предполагает, что борода – просто камуфляж.

Она фыркнула.

– Ну слава богу, он хоть очки не надел, а то бы мы ни в жизнь не догадались! Какой черт занес Джеймса Холдена на Ганимед?

¹⁰ Подразумеваются гравитационные колодцы – области тяготения планетных масс.

– Он доставил гуманитарную помощь. Не на «Росинанте».

– Это подтверждается? Нам известно, что поганцы из АВП умеют подделывать регистрационный код.

– Офицер провел визуальный осмотр внутренних помещений и, вернувшись, удостоверился точно. Кроме того, в команде недостает постоянного пилота Холдена, и мы предположили, что он затаился где-то в темноте в пределах досягаемости направленного луча, – сказал Сорен и, помолчав, добавил: – Холден числится в розыске. «При встрече немедленно задержать».

Авасарала включила свет. Окно снова превратилось в темное зеркало: грозовые тучи сгустились.

– Надеюсь, мы не исполнили приказа? – спросила Авасарала.

– Не исполнили. У нас имеется подробное описание его и его команды, но положение на станции не допускает тщательного досмотра. Кроме того, Марс, похоже, еще не знает, что он там, так что мы предпочли оставить новость при себе.

– Рада, что хоть кто-то там кое-что понимает в разведывательной тактике. Есть идеи, что Холден там делает?

– Пока, похоже, просто пытается помочь, – пожал плечами Сорен. – Не замечен в переговорах с интересующими нас фигурами. Но вопросы задает. С жульем, трясущим гуманитарные посылки, чуть не дошло до драки. Те парни сбежали. Конечно, времени прошло немного...

Авасарала сделал еще глоток чая. Надо отдать мальчику должное: заваривать он умеет. Или нашел человека, который умеет, – какая разница? Если Холден на Ганимеде, значит, АВП интересуется происходящим там. И значит, у них прежде не было на месте агента, который мог бы доложить обстановку.

Желание знать подробности само по себе ни о чем не говорит. Даже если бы там просто затеяли стрельбу случайные придурки. Ганимед для системы Юпитера и для Пояса – важнейшая станция. АВП должен иметь там свой глаз. А вот то, что они прислали Холдена, единственного, кто пережил историю с Эросом, пожалуй, не случайно.

– Они не знают, что это, – заключила она.

– Мэм?

– Они не зря послали человека, уже сталкивавшегося с протомолекулой. Пытаются понять, что за чертовщина творится. А значит, пока не знают. Отсюда следует... – она вздохнула, – следует, что это не их рук дело. И очень жаль, потому что единственный живой образец, о котором нам известно, – у них.

– Что поручить группе наблюдения?

– Наблюдать! – рявкнула Авасарала. – Не спускать глаз, следить, с кем он ведет разговоры, что делает. Ежедневный рапорт, если ничего не происходит; если же произойдет – дополнительный вне очереди.

– Да, мэм. Задерживать не надо?

– Только если он или его люди попытаются покинуть Ганимед. В ином случае не мешать и не лезть на глаза. Холден – псих, но отнюдь не глуп. Если он поймет, что за ним следят, начнет выбрасывать в эфир снимки наших людей на Ганимеде или еще что-нибудь в этом духе. Не забывайте: у него редкостная способность заваривать кашу.

– Что-то еще?

Новая вспышка молнии. Новый раскат грома. Еще одна гроза в череде триллионов гроз, бушевавших над Землей с начала времен, с первой попытки чужаков прикончить зарождающуюся на планете жизнь. Теперь чужие оказались на Венере и рвались дальше.

– Придумайте, как мне связаться с Фредом Джонсоном, не уведомляя Нгайена и марсиан, – сказала она. – Без закулисных переговоров не обойтись.

Глава 10. Пракс

– Па киррап мне это¹¹, – говорил сидящий на койке паренек. – Пучок салата, са-са? Десять тысяч по-старому.

Он был не старше двадцати. Годился ему в сыновья, а Мэй годилась бы парню в дочери. Голенастый жеребенок: тянется вверх, да и рос всю жизнь при низком тяготении. Мальчишка и прежде был невероятно тощим, а теперь еще и наголодался.

– Могу, если хочешь, дать вексель, – предложил Пракс.

Парень ответил усмешкой и неприличным жестом.

По работе с коллегами Пракс знал: жители внутренних планет видят в сленге астеров признак местного уроженца. Работая в продовольственном снабжении Ганимеда, он узнал, что сленг говорит еще и о положении в обществе. Его собственные наставники общались на китайском и английском без акцента. Он мог говорить с любым мужчиной или женщиной из любой части системы. По выговору слова «аллоплоидия»¹² Пракс отличал студента Пекинского университета от студента из Бразилии, человека, росшего в тени Скалистых гор, от родившегося и взрослевшего под склонами горы Олимп или в коридорах Цереры. Он и сам вырос при микрогравитации, но диалект астеров был для него так же чужд, как для всякого выходца из колодца. Парню не стоило труда сделать свою речь совсем непонятной для Пракса, но тот платил за беседу и понимал, что юнец честно старается отработать свои деньги.

Клавиатура вдвое превосходила размерами стандартную, с ручных терминалов. Пластик за долгие годы сильно стерся. Полоска загрузки медленно ползла вдоль края экрана, движение сопровождалось мельканием упрощенных китайских иероглифов.

Нора была из дешевых, у самой поверхности спутника. Не больше десяти футов в ширину, четыре комнатухи, пробитые во льду от стены общего коридора, такие же узкие и темные. На старом пластике стен блестели капли конденсата. Они сидели в дальней от коридора комнате: парень на койке, а Пракс на корточках в дверях.

– Полной записи не обещаю, – сказал парень. – Что есть – есть, сабе?¹³ – Найди хоть что-нибудь!

Паренек коротко кивнул. Пракс не знал его имени – спрашивать не полагалось. Он потратил много дней, отыскивая человека, который согласится взломать систему безопасности станции. Невежество в теневой экономике Ганимеда мешало поискам, нарастающее отчаяние и голод в трущобных кварталах – помогали. Месяц назад этот мальчишка скачивал коммерческие данные для перепродажи или в надежде шантажом выжать легко отмываемые деньги. Сегодня он вел розыск Мэй за пачку листьев, которых едва хватит, чтобы один раз набить брюхо. На Ганимед пришел товарный обмен, старейшая экономическая система в истории человечества.

– Первая копия пропала, – объяснял парень. – Утонула в серверах, не отроешь.

– Значит, если ты не взломаешь серверы службы...

– А мне зачем? У камеры своя память, у памяти архив. Как закрылись, все копит и копит. Смотреть-то кому?

– Ты шутишь? – удивился Пракс. – Две величайшие армии системы глаз не сводят друг с друга – и при этом не просматривают камеры наблюдения?

– Друг за другом следят, а мы, убогие, им ни к чему.

¹¹ Приблизительный перевод: «Не по мне это. Пучок салата – что за дела? Раньше обошлось бы в десять тысяч».

¹² Аллоплоидия – биологический термин, обозначающий умножение (разных) наборов хромосом в ядре клетки. Явление широко используется в выведении новых сортов растений.

¹³ Знаешь? Понял?

Полоска загрузки доползла до края окна. Гудок. Парень открыл список кодов и принялся пролистывать их, бормоча себе под нос. В первой комнате слабо заплакал младенец. Как будто проголодался. Конечно проголодался!

– Твой малыш?

Парень мотнул головой.

– Родня, – бросил он и дважды стукнул по строчке кода. Открылось новое окно. Широкий коридор, оплавленная, взломанная дверь, на стенах следы ожогов и, хуже того, лужицы воды. Вода не должна литься просто так. Контроль жизнеобеспечения все больше забывает о мерах безопасности. Парень поднял глаза на Пракса.

– Се ла?¹⁴

– Да, – признал Пракс, – это здесь.

Парень кивнул и снова сторбился над клавиатурой.

– Мне нужно время до атаки. До падения зеркала, – сказал Пракс.

– Ладно, босс, гоню назад. Тод а фрамес кон нулл дельта¹⁵. Увидим только, когда что-то меняется, кве си?¹⁶ – Правильно. Именно так.

Пракс пододвинулся вперед, заглянул парню через плечо. Изображение вздрагивало, но картина не менялась, только лужицы постепенно становились меньше. Им предстояло вернуться во времени на несколько дней, вернее, недель. К моменту, когда все пошло прахом.

На экране появились медики. Двигаясь задом наперед в своем перевернутом мире, они внесли и положили у двери мертвое тело. Потом его накрыло другое. Два трупа лежали неподвижно, затем один шевельнулся, нащупал стену, резко сдвинулся и, в мгновение ока оказавшись на ногах, скрылся. – Там должна быть девочка. Я ищу человека с четырехлетней девочкой на руках.

– Это ж район детсадов, нет? Там таких тысячи.

– Мне нужна только одна.

Второй труп – это была женщина – сел, потом встал, зажимая ладонью живот. В кадр вошел мужчина, исцелил раненую, вытягивая из нее пули в дуло пистолета. Они поспорили, успокоились и мирно расстались.

Пракс понимал, что видит события в обратном порядке, но его измученный бессонницей и недостатком калорий мозг упорно пытался сложить цельную историю. Из проломленной двери задом выползла группа солдат, протянулась гусеницей и вдруг вздыбилась, метнулась обратно. Вспышка света – и дверь восстановилась, термитные заряды прилипли к ней как странные фрукты, потом солдаты в марсианской форме бросились их собирать. Сняв техногенный урожай, марсиане быстро попятились из кадра, оставив после себя прислоненный к стене скутер.

А потом дверь отворилась и из нее задом вышел сам Пракс. Он выглядел моложе, чем теперь. Он заколотил в дверь так, что рука отскакивала от створки, потом неуклюже вскочил на скутер и исчез.

Дверь замерла без движения. Он задержал дыхание. Задом наперед подошла женщина с пятилетним мальчуганом, скрылась за дверью и появилась снова одна. Праксу пришлось напомнить себе, что она не сдает сына, а забирает домой. Из коридора попятились две фигуры. Нет, три.

– Стоп. Вот она, – сказал Пракс, заглушая молотящее в ребра сердце. – Это она.

¹⁴ Оно?

¹⁵ Пропускаю кадры с нулевым изменением.

¹⁶ Так?

Парень выждал, пока все трое окажутся в коридоре, в поле зрения камеры. Мэй дулась: он даже на некачественном кадре разглядел недовольное выражение ее лица. А тот, кто держал ее на руках...

Облегчение столкнулось в нем с яростью – и победило. Это же доктор Стрикланд! Ее забрал доктор Стрикланд, он знает о ее состоянии, о лекарствах, он сумеет сохранить Мэй жизнь. Пракс упал на колени, закрыл глаза и расплакался. Если ее забрал Стрикланд, она жива. Его дочь не умерла.

«Если, – шепнула в сознании тихая, дьявольская мыслишка, – не умер сам Стрикланд».

Женщину он не знал. Темными волосами и лицом она напомнила Праксу одну русскую сотрудницу. В руке она держала бумажный рулон, улыбалась то ли насмешливо, то ли раздраженно.

– Ты можешь за ними проследить? – шепнул он парню. – Узнать, куда они пошли?

Мальчишка скривил губы.

– За салат? Не выйдет. Банка курятины с острым соусом.

– Курятины у меня нет.

– Тогда хватит с тебя, – пожал плечами парень. Глаза у него стали мертвые, словно камешки. Пракс готов был исколотить его, придушить, силой заставить откопать в полудохлом компьютере нужные кадры. Но у парня вполне мог оказаться при себе пистолет, если не что-нибудь похуже, и он, в отличие от Пракса, наверняка умел обращаться с оружием.

– Пожалуйста, – взмолился Пракс.

– Ты мне, я тебе, а? Но эпресса ми, си?¹⁷ Унижение встало комом в горле, и Пракс проглотил его.

– Курятина, – пообещал он.

– Си.

Пракс открыл портфель и выложил на койку две пригоршни салата, рыжий стручок перца и белоснежный лук. Мальчишка сразу запихнул половину зелени себе в рот и по-звериному зажмурился от удовольствия.

– Я постараюсь, – обещал Пракс.

* * *

Он ничего не мог. Съедобный протеин на станции либо сочился тонким ручейком с гуманитарных транспортов, либо ходил на двух ногах. Люди начали прибегать к стратегии Пракса: паслись на зелени в парках и гидропонных теплицах. Только они не приготовили домашнего задания. Несъедобное пожиралось наряду со съедобным, подрывая систему восстановления воздуха и все сильнее нарушая экологическое равновесие. Одно тянуло за собой другое, а он не знал, где взять курятины, да и заменить ее было нечем. А если бы и нашлось что-то, проблемы бы это не решило.

Лампы у него дома светили тускло и отказывались разгораться. Саженец сои остановился в росте, но не завял – в иное время Пракс с интересом отметил бы этот факт.

За день автомат успел переключиться на режим консервации, ограничил расход энергии. По большому счету это было добрым знаком. Или последним лихорадочным усилием системы перед катастрофой. Для Пракса это ничего не меняло.

Мальчиком, в первые школьные годы, он вместе с семьей устремился в темные пространства космоса в погоне за работой и богатством. Маленький Пракс плохо переносил перемены. Его мучили головные боли, вспышки тревоги и постоянная, засевшая в костях усталость, а надо было производить впечатление на учителей, чтобы они сочли ученика подающим надежды.

¹⁷ Не дави на меня, да?

Отец не давал ему покоя. «Пока окно не закрыли, окно открыто», – твердил он и заставлял Пракса напрячься еще немного, учил думать даже тогда, когда усталость или боль вытесняли все мысли. Мальчик привыкал составлять списки, делать заметки, писать конспекты.

Ловя мимолетные мысли, он подтягивался к пониманию, как альпинист к вершине. И сейчас, в искусственном свете, Пракс опять составлял список. Имена всех, кого помнил из терапевтической группы Мэй. Он знал, что в ней было двадцать детей, но вспомнил только шестнадцать. Мысли блуждали. Он ввел в свой терминал изображения Стрикленда и таинственной женщины и уставился на них. Ярость и надежда смешались в душе и померкли. Кажется, он засыпал, но пульс при этом частил. Пракс попытался вспомнить, числится ли тахикардия среди симптомов голодного истощения.

На минуту он пришел в себя. В голове сделалось светло и ясно, как не бывало уже много дней. Только теперь он понял, что дошел до грани срыва. В нем самом нарастал каскад, и поиски скоро прервутся, если он не получит отдыха. И протеина. Он уже сейчас был наполовину зомби.

Надо искать помощь. Взгляд скользнул по списку детских имен. Надо найти помощь, но прежде проверить, всего лишь проверить. Надо сходить... сходить к...

Пракс прикрыл глаза, нахмурился. Он знал ответ. Знал, что знает. Станция безопасности. Сходить туда и спросить о каждом из них. Открыв глаза, он вписал внизу столбца имен станцию, сохранив и эту мысль. Потом должна быть станция связи с ООН. Потом связь с Марсом. И обойти все места, которые он уже обошел, только уже с новыми вопросами. Это будет просто. И тогда, удостоверившись, потребуется сделать еще кое-что. Он целую минуту вспоминал, что именно, и наконец записал внизу страницы: «Получить помощь».

* * *

– Они все исчезли, – проговорил Пракс, выдыхая белое облачко в холодный воздух. – Все они лечились у него, и все исчезли. Шестнадцать из шестнадцати. Вы представляете, какая тут вероятность? Это точно не совпадение.

Безопасник давно не брился. На щеке и шее у него ярко краснел ледяной ожог, он даже не обработал свежую рану. Вероятно, упал лицом на голый лед Ганимеда. Повезло, что не лишился кожи. На нем было толстое пальто и перчатки. Стол покрылся изморозью.

– Благодарю за информацию, сэр. Я проверю, не числятся ли они среди беженцев.

– Нет, вы не поняли, он их забрал. Они больны, а он их забрал.

– Возможно, пытался обеспечить их безопасность, – ответил коп. Голос его походил на серую ветошь: усталый и дряблый. Где-то ошибка. Пракс видел ошибку, только никак не мог сообразить, в чем она состоит. Безопасник бережно отстранил его и кивнул стоявшей следом женщине. Пракс уставился на нее, как пьяный.

– Я хочу сообщить об убийстве, – дрожащим голосом произнесла женщина.

Безопасник кивнул, глядя на нее без удивления, без недоверия. Пракс вспомнил.

– Он забрал их раньше. Раньше, чем началась атака.

– Ко мне в дом вломились трое, – говорила женщина, – они... Со мной был брат, он пытался их остановить.

– Когда это случилось, мэм?

– До атаки, – сказал Пракс.

– Два часа назад, – сказала женщина. – Четвертый уровень, синий сектор, квартира четырнадцать – пятьдесят три. – Хорошо, мэм, перейдите за тот стол, мне придется составить рапорт.

– Мой брат мертв. Они его застрелили!

– Я вам очень сочувствую, мэм. Я должен составить рапорт, чтобы мы могли поймать тех, кто это сделал.

Пракс посмотрел им вслед и повернулся к ряду искалеченных и отчаявшихся, ожидавших своей очереди взмолиться о помощи, справедливости, законности. В нем вспыхнул и сразу погас гнев. Ему нужна помощь, но здесь ее не найти. Они с Мэй – два камешка в космическом пространстве. Они ничего не значат.

Безопасник вернулся, толкуя высокой миловидной женщине о каких-то ужасах. Пракс не заметил его возвращения, не услышал рассказа. Он терял время. Это плохо.

Уцелевший здоровый клочок его сознания шептал, что, если он умрет, искать Мэй будет некому. Девочка пропадет. Рассудок шептал, что ему нужно поесть, он очень давно не ел. И осталось ему не так уж много.

– Пойду в центр помощи, – вслух сказал он. Женщина и безопасник словно не слышали. – Все же спасибо вам.

Теперь, заметив свое состояние, Пракс поразился и встревожился. На ходу он шаркал ногами, плечи ослабли и сильно ныли, хотя он давно не делал никакой серьезной работы. Тяжестей не поднимал, не подтягивался. Даже утреннюю зарядку не делал бог весть сколько. И не вспомнить, когда последний раз ел. Содрогание от упавшего зеркала и гибель купола вспоминались словно из прошлой жизни. Неудивительно, что он никуда не годится.

В коридоре перед центром помощи было столпотворение, как в загоне бойни. Мужчины и женщины, многие на вид здоровее и крепче Пракса, отталкивали друг друга, создавая давку даже там, где было свободное место. Чем ближе он подходил к порту, тем сильнее кружилась голова. Воздух здесь был согрет теплом множества тел и вонял кислым дыханием. «Дыхание святых» – так называла запах кетоновой кислоты его мать. Запах белкового распада, запах тела, пожирающего самое себя, чтобы выжить. Он задумался, многие ли в этой толпе знают, что означает этот запах.

Люди орали, толкались. Толпа вокруг него напирала и отступала назад – примерно так Пракс представлял себе накат прибоя на берег.

– Откройте тогда дверь и покажите нам, – выкрикнул женский голос далеко впереди.

«Ох, – подумал Пракс, – это голодный бунт».

Он стал пробиваться в сторону, чтобы выбраться из толпы. Люди впереди вопили, сзади – напирали. Светодиодные трубки на потолке горели белым и золотым светом. Стены были серые, как в цеху. Пракс выставил вперед руку, дотронулся до стены. Где-то далеко прорвало плотину, и толпа вдруг хлынула вперед, угрожая затянуть его, движущегося против течения, в водоворот. Он уперся в стену. Толпа поредела, и Пракс качнулся к стене. Двери погрузочного отсека стояли распахнутые настежь. Рядом с проемом Пракс заметил знакомое лицо, только не мог вспомнить, кто это. Кто-то из лаборатории? У мужчины были толстые кости и крепкие мускулы. Землянин. Может, встретил где-то в своих блужданиях по гибнущей станции? Не он ли рвал листья на еду в парке? Нет, этот выглядел слишком сытым, даже щеки не запали. Вроде бы старый знакомый и в то же время незнакомец. Так бывает со знаменитыми актерами и министрами.

Пракс понимал, что неприлично глазееет, но не мог оторвать взгляда. Он знал это лицо, знал! И оно было как-то связано с войной.

Вдруг в памяти возникла картина: он у себя дома, держит на коленях Мэй, пытается ее успокоить. Дочке всего год, она пока не ходит, и врачи все еще подбирают лечение, которое сохранит ей жизнь. Вопли больного ребенка заглушают встревоженную скороговорку ведущего новостей. На экране снова и снова появляется мужское лицо, прокручивается запись:

«Меня зовут Джеймс Холден, и мой корабль „Кентербери“ только что был уничтожен военным кораблем, снабженным маскировочной техникой и с серийными номерами Марсианского флота на отдельных частях».

Это он. Вот почему Пракс узнал лицо, хотя никогда с ним не встречался. Что-то в груди тянуло его сделать шаг. Пракс задержался. У погрузочной двери заорали. Пракс достал свой ручной терминал, просмотрел список. Шестнадцать детей, шестнадцать пропавших детей. И внизу страницы печатными буквами: «Найти помощь».

Пракс повернулся к человеку, зачинавшему войны и спасавшему планеты. Его вдруг охватила застенчивость.

– Помогите, – сказал он и шагнул вперед.

Глава 11. Холден

Сантичай и Мелисса Супитаяпорн были парой землян, миссионеров Церкви Гуманности Возносящейся – религии, не признававшей ничего сверхъестественного. Их теология строилась на простой идее: люди могут быть лучше, чем они есть, поэтому давайте сделаем их такими. Штабом гуманитарной помощи они заправляли с беспощадной эффективностью прирожденных диктаторов. Тощий как призрак, седой Сантичай первым делом отчитал Холдена за стычку с таможенниками. Несколько минут Холден оправдывался, но маленький миссионер быстро заткнул ему рот и заставил перейти к извинениям.

– Не усложняйте и без того сложную ситуацию, – повторял Сантичай, качая пальцем перед лицом капитана. Извинения умиливали его, но старик упорно стремился донести до собеседника свою мысль.

– Понял – Холден вскинул руки, показывая, что сдается. Вся его команда испарилась при первых раскатах грома, оставив Холдена разбираться. Через большой пустоватый склад он видел, как Наоми мирно беседует с Мелиссой. Приходилось надеяться, что супруга Сантичая не столь воинственна. Криков не было слышно, – впрочем, за шумом множества голосов и грохотом моторов не услышишь и разрыва гранаты. Холден сейчас пошел бы на все, лишь бы сбежать. Он кивнул в сторону Наоми:

– Простите, мне...

Сантичай оборвал его резким взмахом руки, взметнувшим свободное оранжевое одеяние. Холден обнаружил, что не может ослушаться маленького человека.

– Этого, – сказал Сантичай, указывая на доставленные с «Лунатика» ящики, – мало.

– Я...

– АВП еще неделю назад обещал нам двадцать две тонны протеина и добавок. А здесь меньше двенадцати. – В такт словам миссионер тыкал пальцем в плечо Холдену.

– Я не отвечаю за...

– Зачем было обещать, если не собирались посылать? Обещали бы двенадцать тонн, если у вас больше нет. – Острый палец снова впился Холдену в плечо.

– Согласен, – кивнул Холден, отступив подальше от грозного пальца, – совершенно согласен. Я немедленно свяжусь со станцией Тихо и узнаю, где остатки обещанного продовольствия. Уверен, они уже в пути.

Острые плечики поднялись, снова взметнув оранжевую ткань.

– Смотрите не забудьте, – велел старик и набросился на водителя автопогрузчика: – Вы! Да, вы! Не видите надписи: «Медикаменты»? А вы что сюда разгружаете?

Холден воспользовался случаем удрать и рысцой направился к Наоми. Та, открыв документацию на своем терминале, оформляла что-то под наблюдением Мелиссы.

Пока Наоми работала, Холден осматривал склад. За последние сутки, кроме «Лунатика», прибыли почти два десятка кораблей с помощью, и просторное помещение быстро заполнялось упаковками. В холодном воздухе стоял запах пыли, озона и горячей смазки грузовиков, но сквозь него пробивался смрад разложения, гнилых овощей. Холден заметил, как Сантичай, метнувшись к дверям склада, закричал что-то двум рабочим, вносившим тяжелый ящик.

– Ваш муж – это что-то, – обратился Холден к Мелиссе. Ты была и выше, и тяжелее своего маленького мужа, но облако тонких волос на голове придавало им сходство. Еще у нее были яркие голубые глаза, почти скрывавшиеся в морщинах, когда она улыбалась. Она и сейчас улыбнулась.

– В жизни не встречала человека, который бы так много думал о благе людей и так мало – об их чувствах, – сказала она, – но Сантичай по крайней мере накормит человека, прежде чем объяснить ему, как тот не прав.

– Думаю, это все, – вмешалась Наоми, нажатием клавиши отправляя заполненный бланк на терминал Мелиссе. Та, услышав гудок приема, достала из кармана свой, очаровательно старомодной модели.

– Миссис Супитаяпорн, – обратился к ней Холден.

– Мелисса.

– Мелисса, вы с мужем давно на Ганимеде?

– Почти... – она постучала себя пальцем по подбородку и устремила взор вдаль, – почти десять лет. Неужто так давно? Получается, так, потому что Дру тогда как раз родила, а ему уже...

– Я к тому, что никто вне Ганимеда, похоже, не знает, как это... – он сделал широкий жест, – началось.

– Вы о станции?

– Я о кризисе.

– Ну, ооновцы и марсиане открыли огонь, потом мы увидели, как начали отказывать системы...

– Да, – нетерпеливо перебил Холден, – это-то я понял. Но из-за чего? Целый год Земля и Марс совместно удерживали спутник, и никто ни в кого не стрелял. До истории с Эросом шла война, но вас она не зацепила. А потом все вдруг начали стрелять? Какая муха их укусила?

Мелисса задумалась, снова утопив глаза в сетке морщин.

– Не знаю, – ответила она наконец. – Я была уверена, что стреляли по всей системе. До нас здесь не скоро доходят новости.

– Нет, – сказал Холден, – только здесь, и всего пару дней. А потом, тоже без объяснений, бои прекратились.

– Странно, – признала Мелисса, – но для меня это не важно. Независимо от причины мы должны делать то, что делаем. – Вероятно, для вас не важно, – согласился Холден.

Мелисса улыбнулась, тепло обняла его и отошла, чтобы принять документацию еще у кого-то.

Наоми подхватила Холдена под руку и потянула к выходу из склада в основные помещения станции. На ходу они огибали продовольственные контейнеры и подсобных рабочих.

– Как это так: здесь было настоящее сражение, а причин никто не знает?

– Знает, – возразил ей Холден. – Кто-то наверняка знает.

* * *

Изнутри станция выглядела хуже, чем из космоса. Дающие жизненно необходимый кислород растения вдоль стен коридоров приобрели болезненный желтоватый оттенок. Многие переходы не освещались, автоматические переборки приходилось открывать и снова закупоривать вручную. В случае утечки атмосферы в одном отсеке воздуха лишатся и многие другие. Редкие встречные прохожие отводили глаза или таращились на них с открытой враждебностью. Холден поймал себя на желании держать пистолет на виду, а не в маленькой неприметной кобуре за спиной.

– С кем нам связаться? – тихо спросила Наоми.

– Мм?

– Я имею в виду, кто здесь человек Фреда? – чуть слышно пояснила она, улыбаясь и кивая проходящей компании.

Эти все открыто демонстрировали оружие – в основном ножи и дубинки. Люди ответили на ее улыбку оценивающими взглядами. Холден потянулся к кобуре, но встречные уже прошли, оглянулись раз-другой и скрылись за углом.

– Он что, ни с кем не поручил встретиться? – обычным голосом закончила Наоми.

– Дал несколько имен, но связь с Ганимедом все время прерывалась, так что он не знал...

Холдена прервал оглушительный грохот из дальней части порта. За взрывом последовал рев, в котором понемногу прорезались человеческие крики. Немногочисленные прохожие пустились бежать: кое-кто на шум, но большинство – прочь.

– А нам не надо?.. – начала Наоми, глядя на бегущих.

– Нас послали разобраться, что здесь происходит, – ответил ей Холден, – так что пойдем посмотрим.

Они скоро запутались в извилистых коридорах портовой части станции, но ориентировались по шуму и потоку людей, двигавшихся в ту же сторону. Некоторое время рядом с ними бежал высокий крепкий мужчина с колючей рыжей шевелюрой. В каждой руке у него было по отрезку черной металлической трубы. Улыбнувшись Наоми, он попытался всучить один ей. Она отмахнулась.

– Давно пора бы, – прокричал мужчина, выговаривая слова с незнакомым Холдену акцентом. Трубу, от которой отказалась Наоми, он протянул Холдену.

– Что случилось? – спросил тот, приняв оружие.

– Сранублюдки вышвырнули жрачку, а народ рванул подбирать, ага? Ну, хрень, драчили говножопы!

Рыжий взвыл, замахал в воздухе дубинкой и, ускорив бег, потерялся в толпе. Наоми расхохоталась и завывала ему вслед.

На изумленный взгляд Холдена она весело ответила:

– Это заразно.

Последний изгиб коридора вывел их в новый склад, очень похожий на тот, где властвовали Супитаяпорны, только здесь все помещение было забито разъяренными людьми, рвущимися к погрузочному доку. Закрытые двери дока сторожила крошечная группа станционной охраны. Безопасники пытались сдержать толпу. Нацеленные на людей тазеры и шокеры пока еще производили нужное впечатление, но Холден по нарастающему напряжению и ярости предчувствовал: это не надолго.

Сразу за первой цепью копов, снаряженных несмертельным оружием, держалась кучка мужчин в темных костюмах и рабочих ботинках. У этих были ружья, и они явно только и ждали повода пустить их в ход.

Охрана корпорации.

Холден перевел взгляд за их спины и мгновенно понял, в чем дело. За шлюзом дока стоял один из оставшихся грузовиков, загруженный остатками продовольствия с обчищенного до крошки Ганимеда.

А люди были голодны.

Холден помнил попытку прорыва из казино Эроса. Помнил взвинченную толпу, напавшую на стволы. Помнил вопли, запах крови и кордита. Он не успел обдумать решения, а уже проталкивался в первые ряды. Наоми, невнятно извиняясь, следовала за ним. На мгновение она остановила Холдена, вцепившись ему в локоть.

– Собираешься сотворить большую глупость? – спросила она.

– Собираюсь спасти этих людей от расстрела за страшное преступление – за то, что они голодны, – поморщившись от сознания собственной праведности, огрызнулся Холден.

– Только свой пистолет не вытаскивай, – посоветовала Наоми, отпустив его.

– У них ружья.

– Да, во множественном числе. А твой пистолетик – в единственном, поэтому или оставь его в кобуре, или разбирайся сам, без меня.

Только так и можно было что-то сделать. Самому. Так сказал бы детектив Миллер. Он так и смотрел на мир. Холден полагал это сильным доводом против действий в одиночку.

– Согласен, – кивнул он и стал пробиваться дальше.

К тому времени, как они оказались в первом ряду, конфликт сконцентрировался в перепалке двух человек. Седой охранник порта с белой табличкой контролера обменивался выкриками и оскорблениями с седой темнокожей женщиной, которая вполне могла бы сойти за мать Наоми.

– А вот откройте дверь и дайте нам взглянуть! – вопила женщина. По ее тону Холден понял: она раз за разом повторяет эти слова.

– Криками вы ничего не добьетесь, – орал в ответ седой контролер. Его подчиненные до белизны в костяшках сжимали шокеры. Охрана корпорации, непринужденно державшая свое оружие на локте, на взгляд Холдена, казалась куда более опасной.

При виде Холдена женщина оборвала крик и уставилась на новое действующее лицо.

– Вы кто?.. – начала она.

Холден поднялся к двери и встал рядом с контролером. Безопасники замахали своими шокерами, но его никто не ткнул. А громилы-наемники только сощурились и чуть изменили позы. Холден понимал, что недоумение удержит их ненадолго, а когда пройдет, он рискует свести неприятно близкое знакомство с этими стрелками для скота, и хорошо еще получится, если никто не выпалит ему в лицо. Но пока они гадали, кто он такой, Холден решительно протянул контролеру руку и громко объявил:

– Эй, вы, я Уолтер Филипс, представляю станцию Тихо и полковника Фреда Джонсона лично.

Контролер как замороженный пожал ему руку. Наемники шевельнулись и тверже сжали оружие.

– Мистер Филипс, – начал контролер, – АВП не уполномочен...

Не слушая его, Холден повернулся к крикунье.

– Мэм, из-за чего шум?

– На том корабле, – она ткнула пальцем в дверь дока, – десять тысяч кило бобов и риса: хватит, чтобы неделю кормить всю станцию.

Толпа за ее спиной согласно зароптала и на шаг продвинулась вперед.

– Это правда? – обратился к контролеру Холден.

– Я уже говорил, – ответил тот, поднимая руки и направив ладони к толпе, словно одной силой воли надеялся отеснить ее назад, – нам запрещено обсуждать груз частных владельцев...

– Так открой дверь и покажи нам. – Снова крикнула женщина.

Под ее крики, под гул толпы, начавшей скандировать: «По-ка-жи! По-ка-жи!» – Холден ухватил контролера за локоть и притянул к себе.

– Еще полминуты – и они порвут тебя и твоих парней, пытаясь пробиться к кораблю, – сказал он. – Думаю, лучше уступить, пока они не рассвирепели.

– Они уже рассвирепели, – горько рассмеялся безопасник. – Корабль давно бы ушел, если бы кто-то не подорвал разводной механизм шлюза. А если они попытаются захватить корабль, мы...

– Они не захватят корабль, – проскрежетал голос за спиной, и на плечо Холдену легла тяжелая рука. Обернувшись, он уставился в лицо стрелку из охраны корпорации. – Это имущество торгового дома «Мао – Квиовски».

Холден сбросил руку со своего плеча.

– Десяток парней с тазерами и винтовками их не остановят. – Он кивнул на орущую толпу.

– Мистер... – наемник оглядел его в головы до пят, – Филипс. Мне и ваше мнение, и мнение АВП до лампочки, как и ваши советы. Не желаете свалить, пока не дошло до стрельбы? Ну что ж, он попытался. Улыбаясь стрелку, Холден потянулся к кобуре. Хорошо бы, здесь был

Амос, но тот не показывался с тех пор, как они сошли с корабля. Холден не дотянулся до пистолета, потому что длинные тонкие пальцы обхватили и крепко сжали его руку.

– А если мы поступим так? – заговорила внезапно объявившаяся рядом с Холденом Наоми. – Если вы не будете препираться, а я просто расскажу вам, что произойдет?

Холден вместе с громилой изумленно уставился на женщину. Она подняла палец, призывая обождать минутку, и вытащила терминал. Связалась с кем-то и включила громкую связь.

– Амос! – Она все так же держала поднятый палец.

– А? – раздалось в ответ.

– Из порта одиннадцать, площадка В-девять, собирается отчалить корабль. На нем полно еды, которая нужнее здесь. Если он взлетит, кто-нибудь из перехватчиков АВП к нему подоспеет?

Последовала длинная пауза, затем Амос хихикнул:

– Вы же сами знаете, босс. Предупредить их?

– Вызови наш корабль и скажи, чтобы остановили грузовик. Потом пусть высажат на него команду, снимут груз подчистую и вернут сюда.

– Будет сделано, – только и сказал Амос.

Наоми закрыла терминал и убрала его в карман.

– Не испытывайте нас, ребята, – проговорила она с намеком на сталь в голосе. – Здесь не было ни слова пустых угроз. Либо отдайте этим людям груз, либо мы заберем корабль целиком. Вам решать.

Наемник минуту разглядывал ее, затем махнул своим людям и ушел. Безопасники отошли следом, а Холдену с Наоми пришлось отскакивать с пути хлынувшей к доку толпы.

Когда опасность, что их сомнут, миновала, Холден заговорил:

– Круто это было.

– Подставляться под пули в борьбе за справедливость весьма героично, – сталь еще не совсем исчезла из голоса Наоми, – но мне не хотелось бы тебя терять, так что прекрати разыгрывать идиота.

– Угроза кораблю – остроумный ход, – продолжал Холден.

– Ты вел себя как проклятый детектив Миллер, а я – как ты когда-то. Сказала то, что сказал бы ты сам, если бы не так спешил хвататься за пушку.

– Я вел себя не как Миллер!

Упрек был тем обиднее, что в нем крылась правда.

– Но и не по-своему.

Холден пожал плечами и только потом спохватился, что повторяет жест Миллера. Наоми скосила глаза на капитанскую нашивку на плече костюма с «Лунатика».

– Может, стоит так и оставить.

Маленький, опустившийся человек – с сединой в темных волосах, с недельной щетиной на азиатском лице – подошел к ним и нервно кивнул. Он буквально ломал руки – раньше Холден думал, что это проделывают только старые дамы в ретрофильмах.

Человек еще раз робко кивнул и заговорил:

– Вы – Джеймс Холден? Капитан Джеймс Холден? Из АВП?

Холден и Наоми переглянулись. Холден подергал свою жалкую бородку.

– И какой с нее толк, скажи честно?

– Капитан Холден, меня зовут Пракс, Праксидик Менг.

Я ботаник.

Холден пожал ему руку.

– Приятно познакомиться, Пракс, но боюсь, что мне...

– Вы должны мне помочь.

Холден понимал, что в последние пару месяцев этому человеку пришлось несладко. Одежда висела на нем мешком, на лице виднелись пожелтевшие синяки – не так давно его избили.

– Конечно, найдите на станции гуманитарной помощи Супитаяпорнов и скажите, что я...

– Нет – выкрикнул Пракс. – Не то! Мне нужна ваша помощь!

Холден бросил взгляд на Наоми. Та кивнула.

– Ладно, – вздохнул Холден, – в чем дело?

Глава 12. Авасарала

– Маленький дом – особая роскошь, – говорил ее муж. – Жить там, где все принадлежит только нам, помнить простые радости – самим печь хлеб и мыть за собой тарелки. Твои высокопоставленные друзья об этом забывают, что несколько лишает их человечности.

Он сидел за кухонным столом, свободно устроившись в кресле из бамбукового ламината, состаренного так, что походил на мореный орех. Шрамы, оставленные операцией – удаляли раковую опухоль, – двумя тонкими линиями блестели на горле, почти теряясь под седой щетиной. Лоб был выше, чем во времена их знакомства, волосы реже. Воскресное солнце заливало стол.

– Чушь, – возразила жена. – Ты можешь притворяться, что живешь как грязный крестьянин, но это не делает Эрринрайта или Люса менее человечными. В домах меньше нашего живут по шесть семей, а люди в них ближе к скотине, чем любой из моих сотрудников.

– Ты в самом деле так думаешь?

– Конечно! Иначе разве я пошла бы утром на работу? Кто-то должен вытаскивать из грязи всю ту шваль, чтобы ваша братия могла кого-то учить.

Арджуна усмехнулся. У него всегда была самая прекрасная улыбка. Авасарала невольно улыбнулась в ответ – а ведь собиралась сказать резкость. За стеной взвизгнули Кики и Сури, на лужайке мелькнули маленькие полуголые тела. Чуть отстав, показалась нянька – она прижимала рукой бок, как будто придерживая шов.

– Большой двор – роскошь, – заметила Авасарала.

– Верно.

В дом, улыбаясь до ушей, ворвалась перемазанная землей Сури. За ней на ковре оставались крошки подсохшей грязи. – Бабушка, смотри, что я нашла!

Авасарала развернулась в кресле. В ладони внучки из комка влажной земли свивал и развивал розовые кольца дождевой червяк. Авасарала изобразила радостное удивление:

– Замечательно, Сури. Идем, покажи бабушке, где ты его нашла?

Со двора пахло скошенной травой и свежей землей. Худенький садовник – ровесник ее сыну, если бы тот остался жив, – склонился на коленях над грядкой, вручную выпалывая траву. Сури бросилась к нему, и Авасарала неторопливо двинулась за девочкой. Увидев ее, садовник кивнул, но заговорить ему не дали. Сури сопровождала рассказ о чудесной находке червяка пышными жестами, словно пересказывала легенду. Рядом с Авасаралой появилась Кики, тихонько взяла бабушку за руку. Авасарала любила малышку Сури, но наедине с собой – да еще с Арджуной – признавалась, что Кики – самая умная из ее внуков. Тихоня, зато черные глазки ярко блестят, а как она умеет подражать всему, что услышит! А слышала Кики почти все.

– Дорогая супруга, – позвал из задней двери Арджуна, – тебя хотят видеть.

– Где?

– Перед домашним экраном, – объяснил Арджуна. – По твоему терминалу она не дозволена.

– Оно и понятно.

– Это Глория Танненбаум.

Авасарала неохотно передала Кики няне, поцеловала Сури в макушку и вернулась в дом. Арджуна придержал перед ней дверь, посмотрел виновато.

– Эти сучки не дают мне повозиться с внуками.

– Такова цена власти, – провозгласил муж с насмешливой ее серьезностью.

Авасарала вошла в домашнюю систему из своего кабинета. Щелчок и задержка на мгновение, пока устанавливалась защита, а потом на экране возникло тощее безбровое личико Глории Танненбаум.

– Глория! Извини, я отключила терминал – была с малышами.

– Ничего, – женщина ответила четко отработанной улыбкой – самой искренней, на какую была способна. – Пожалуй, это даже к лучшему. Я всегда подозревала, что терминалы мониторят тщательнее, чем домашние линии.

Авасарала опустилась в кресло, и кожа обивки тихонько вздохнула под ее тяжестью.

– Надеюсь, у вас с Этсепаном все в порядке?

– Все отлично, – ответила Глория.

– Это хорошо. Так какого хрена ты меня вызвала?

– У одного моего приятеля жена на «Михайлове». Он говорит: их патруль отозвали. Уводят вглубь.

Авасарала нахмурилась. «Михайлов» входил в патрульную службу, мониторившую движение между дальними станциями пояса астероидов.

– Куда именно «вглубь»?

– Я поспрашивала обиняками, – ответила Глория. – На Ганимед.

– Нгайен?

– Да.

– У твоего приятеля длинный язык, – заметила Авасарала.

– Я им никогда правды не рассказываю, – принялась защищаться Глория. – Ты же знаешь.

– Я твоя должница.

Глория резко, по-вороньи, кивнула и прервала связь. Авасарала долго сидела молча, прижав пальцы к губам, мысленно прослеживая цепочку следствий, словно провожая взглядом бегущий по камням ручей. Нгайен посылает к Ганимеду новые корабли, причем втихаря.

Причина секретности была на виду. Сделай он это открыто, Авасарала бы его остановила. Нгайен молод и амбициозен, но далеко не глуп. Он пришел к собственным выводам, и они подсказали ему, что посылать новые силы в открытую рану, какой стал Ганимед, – хорошая идея.

– Бабушка, бабушка – позвала Кики. Авасарала по голосу определила, что на уме у внучки новая шалость. Поднявшись из-за стола, она двинулась к двери.

– Я здесь, Кики, – окликнула она, выходя в кухню.

Шарик с водой ударил ее в плечо, но не лопнул, а отскочил на пол и запрыгал у ног, оставляя на кафеле темные пятна. Авасарала подняла на внучку сердитый взгляд. Кики разрывалась между страхом и восторгом.

– Ты устроила беспорядок в кухне? – строго спросила Авасарала.

Девочка сникла и кивнула.

– А знаешь, что делают с нехорошими детками, которые пачкают у бабушки на кухне?

– Щекочут?

– Щекочут – Авасарала бросилась к внучке. Конечно же, Кики сбежала. Суставы в восемь лет если и болят, так только от слишком быстрого роста. Но, конечно же, в конце концов бабушка изловила внучку и защекотала до восторженного визга. Ашанти, вернувшись с мужем, чтобы забрать детей в Новгород, застала мать с зелеными травяными пятнами на сари, а волосы у нее стояли дыбом – так в комиксах изображают ударенного молнией.

Авасарала обняла внучек, украдкой сунула каждой по кусочку шоколада, потом поцеловала дочь, кивнула зятю и проводила всех до дверей. Их машину экскортировала другая, с охраной. Каждому из ее родственников грозила опасность похищения. Такова жизнь.

Затем она долго отмывалась в душе под сильными струями нестерпимо горячей воды. Она с детства любила купаться едва ли не в кипятке. Когда вытираешься, кожа должна чуть саднить, иначе это не мытье.

Муж лежал на кровати, поглощенный чтением с ручного терминала. Авасарала прошла к шкафу, бросила в грудку белья влажное полотенце и завернулась в хлопковый халат.

– Он думает, это они, – заговорила она.

– Кто – они? – отозвался Арджуна.

– Нгайен думает, что за этим стоят марсиане. И что атака на Ганимед повторится. Он знает, что Марс не направлял туда флотов, и все же шлет подкрепления. Ему плевать на мирные переговоры, все равно он в них ни на хрен не верит. Думает, терять нечего. Ты меня слушаешь?

– Слушаю. Нгайен считает, что это Марс. Он наращивает флот. Убедилась?

– Ты хоть понимаешь, о чем я говорю?

– Как правило, нет. А вот Максвелл Асиньян-Кох только что опубликовал статью о постлирике, за которую на него обрушится град нападок.

Авасарала хихикнула.

– Ты живешь в своем собственном мире, милый.

– Верно, – Арджуна провел пальцем по экрану и поднял взгляд. – Но ты ведь не против, да?

– За то я тебя и люблю. Продолжай. Читай о своей постлирике.

– А ты что будешь делать?

– Что и всегда. Не позволю взорвать человечество вместе с детьми.

* * *

Мать учила маленькую Авасаралу вязать. Толку не вышло, но один урок она усвоила. Однажды, когда девочка яростно дергала запутавшуюся нитку, только сильнее стягивая петли, мать отобрала у нее клубок. Однако, вместо того чтобы распутать узлы и вернуть дочери работу, она села на пол скрестив ноги и заговорила о том, как распустить узел. Надо трудиться осторожно, обдуманно и терпеливо, искать податливые места, и тогда рано или поздно нить распутается словно сама собой.

В списке значились десять кораблей: от древнего транспорта, не годного даже в лом, до двух фрегатов под командованием людей, известных Авасарале по именам. Силы невелики, но для провокации достаточно. Бережно, обдуманно и терпеливо Авасарала принялась распутывать пряжу.

Первым взялась за транспорт, потому что с ним было проще всего. Она не один год заботливо взращивала мальчиков в службе технической поддержки. Четыре часа ушло на поиски в документации не замененного вовремя узла и еще полчаса – на отзыв корабля на базу. Самым сильным из фрегатов, «Ву-Цао», командовал Голла Ишигава-Маркс. Его служебное досье оказалось серьезным чтением. Компетентный, верный, лишенный воображения служака. Понадобилось три разговора с глазу на глаз, чтобы повесить его до главы комитета по надзору за строительством – должность сравнительно безвредная. Весь командный состав «Ву-Цао» вернули на Землю ради возможности присутствовать на церемонии назначения. Со вторым фрегатом было сложнее, но Авасарала нашла способ, и от конвоя осталось так мало, что он вполне сошел бы за сопровождение спасательных кораблей.

Узел под пальцами распустился. Три корабля, с которыми она ничего не сумела сделать, были так стары и так слабо вооружены, что не годились для боя. Марсиане не увидят в них угрозы, разве что сами станут искать предлог для конфликта.

Она не думала, что такое вероятно. Но если все-таки станут, это тоже будет интересно.

– Адмирал Нгайен сообразит, в чем штука, – заметил Эрринрайт. Он говорил из номера отеля где-то на ночной стороне планеты. За окном было темно, и госсекретарь расстегнул ворот парадной рубашки.

– И пусть его, – отозвалась Авасарала. – Что он может сделать? Нажалуетса маме, что я отняла его игрушки? Если не научился играть во взрослые игры, не лезь в адмиралы.

Эрринрайт усмехнулся, хрустнул пальцами. У него был усталый вид.

– Кто туда доберется?

– «Бернадетта Ко», «Аристофан» и «Федоровна», сэр.

– А, эти? Как вы объясните их марсианам?

– Никак, если они не спросят, – ответила Авасарала. – А если спросят, отмахнусь. Небольшой корабль медицинской поддержки, транспорт и старичок с пушечками, чтобы отгонять пиратов. Это ведь совсем не то же, что послать пару крейсеров, вот и пусть отвалият на хрен.

– Надеюсь, вы сформулируете это иначе?

– Конечно, сэр. Я не такая дура.

– А что с Венерой?

Она глубоко вздохнула и выпустила воздух сквозь зубы.

– Это хренов оборотень. Я получаю ежедневные сводки, но мы ведь не знаем, на что смотреть. Сеть на поверхности планеты достроена, а теперь она прорывается, и возникают структуры, образующие сложную радиальную симметрию. Только расположены они не по оси вращения, а в плоскости эклиптики. То, что засело там внизу, ориентируется на всю Солнечную систему. А спектрография показывает сгущения лантана, кислорода и золота.

– Мне это ни о чем не говорит.

– Мне тоже, но умники предполагают, что это может быть набор очень теплостойких сверхпроводников. Они пытались воспроизвести молекулярную структуру в лаборатории и наткнулись на что-то непонятное. Оказывается, эта тварь лучше нас разбирается в прикладной химии. Да и неудивительно. – Как насчет связи с Ганимедом?

– Только тот случай, – ответила Авасарала. – Больше ничего. По крайней мере, прямой связи нет.

– А не прямой?

Она нахмурилась и отвернулась к стене. Будда ответил на ее взгляд.

– Вам известно, что число культов самоубийства после истории с Эросом возросло вдвое? – спросила она. – Я не знала, пока мне не доложили. В прошлом году едва не провалился проект восстановления водоснабжения в центре Каира: эсхатологические группы заявили, что вода им больше не нужна.

Эрринрайт прищурился и подался вперед.

– Полагаете, есть связь?

– Не думаю, чтобы агенты Венеры проникли на Землю в обличье людей, – усмехнулась она, – однако... я размышляла, как все может действовать на людей. На всю систему: на них, на нас, на астеров. Нехорошо, когда Бог дремлет у всех на виду. Нас это зрелище до смерти пугает. Меня так точно. Мы все отводим глаза и притворяемся, что ничего не изменилось, но в душе знаем. Мы ведем себя как здравомыслящие люди, но... – Она покачала головой.

– Человечество постоянно сталкивалось с необъяснимым, – жестко напомнил Эрринрайт. Речь Авасаралы вывела его из равновесия. Да и ее саму тоже.

– Раньше необъяснимое не жрало планет, – отрезала она. – Даже если та тварь явилась на Ганимед не с Венеры, связь между ними очевидна. А если это мы...

– Если это мы ее создали, то создали потому, что нам в руки попала новая технология, – договорил за нее Эрринрайт. – От копья с кремневым наконечником к пороху, а от него к

ядерным боеголовкам. Таков наш путь, Крисьен. Предоставьте беспокоиться об этом мне. А вы глаз не спускайте с Венеры и держите под контролем ситуацию с Марсом.

– Да, сэр, – отозвалась она.

– Все будет хорошо.

Глядя на потемневший экран, Авасарала решила, что ее начальник, возможно, прав. Но уверенности в ней уже не было. Что-то ее тревожило, а она пока не понимала, что именно. Что-то торчало в подсознании, как заноза в пальце. Открыв видеопередачу с поста ООН на Ганимеде, она прошла проверку и снова стала смотреть, как гибли марсиане.

Кики и Сури предстоит расти в мире, где случается подобное. Где Венера – колония совершенно чуждой жизни. Эта жизнь отказывается общаться, не поддается объяснению. Ее, Авасаралы, страх станет для них привычным, незаметным, как собственное дыхание. На экране парень, не старше Сорена, разрядил в атакующего монстра свою винтовку. Обработанное изображение показывало, как пули пробивают это существо насквозь и, вылетая из спины, тянут за собой струи черных волокон. Солдат снова и снова погибал на экране. Для него, по крайней мере, все кончилось быстро. Авасарала остановила запись, обвела пальцем контуры врага.

– Кто ты? – обратилась она к изображению. – Чего ты хочешь?

Что-то она упустила. Такое случалось нередко, чувство было ей знакомо, но сделать она ничего не могла. Проявится, когда проявится, а до того ей оставалось только чесать, где чешется. Закрыв файлы, она получила ответ системы безопасности, удостоверяющий, что она ничего не копировала, затем отключилась и повернулась к окну.

И поняла, что ждет следующего раза. Информации, которую удастся собрать в следующий раз. Закономерности, которую она сумеет уловить в следующий раз. При следующей атаке, при следующей бойне. Ей было совершенно ясно, что случившееся на Ганимеде непременно повторится, рано или поздно. Джинна не загонишь обратно в бутылку, и с того момента, как протомолекулу выпустили на мирное население Эроса с целью посмотреть, что из этого выйдет, цивилизация изменилась. Изменилась так быстро и так резко, что они все еще играют в догонялки.

Игра в догонялки...

В этом что-то есть. В этих словах, похожих на строчку из полузабытой песни. Авасарала стиснула зубы, вскочила, прошла до окна. Как она это ненавидит! Ненавидит!

Дверь кабинета отворилась. Она повернулась к Сорену, и тот шарахнулся назад. Авасарала на пару делений смягчила выражение лица. Несправедливо запугивать этого кролика. Скорее всего, бедняга при распределении вытянул короткую соломинку и попался в зубы сумасшедшей старухе. Как бы то ни было, парень ей нравился.

– Да? – спросила она.

– Я решил, что вас заинтересует протест, который адмирал Нгайен направил мистеру Эрринрайту. По поводу вмешательства в область его компетенции. Генсекретарю он копии не послал.

Авасарала улыбнулась. Пусть ей не решить всех загадок Вселенной, но держать мальчиков по стойке смирно она сумеет. Раз Нгайен не обратился к Пузырь-башке, значит просто дует. И оставит все как есть.

– Приятно слышать. А марсиане?

– Прибыли, мэм.

Вздыхнув, Авасарала оправила сари и вскинула голову.

– Тогда пойдем, прекратим войну.

Глава 13. Холден

Амос, объявившийся через несколько часов после голодного бунта, принес ящик пива, объяснив, что успел малость «осмотреться». Он же раздобыл упаковку продуктовых консервов. Этикетка гласила: «Пищепродукты из натуральной курицы». Холден надеялся, что хакера устроит такая валюта. Пракс безумно спешил, словно у него осталось последнее дело перед смертью, которая уже наступает ему на пятки. Холден подозревал, что это не так уж далеко от истины. Казалось, маленький ботаник выжигает себя изнутри.

Пока добывали необходимые продукты, Холден отвел его на «Лунатик» и заставил поесть и принять душ. Он еще показывал, как пользоваться корабельным галюном, а Пракс уже начал раздеваться, словно забота о приличиях была пустой тратой драгоценного времени. Вид его истощенного тела потряс Холдена. Ботаник говорил только о Мэй, о том, как важно ее найти. Холден, наверное, ни в чем в жизни не нуждался так сильно, как этот человек – в своей дочери.

Эта мысль почему-то опечалила Холдена.

Пракса лишили всего, содрали весь жир, превратив его в жалкий скелет. Ему оставалось одно: поиски дочери, и Холден ему завидовал.

Когда-то, погибая в адской ловушке станции Эрос, он осознал, что должен еще хоть раз увидеть Наоми. А если нельзя увидеть, так хоть знать, что она в безопасности. Потому-то он и не погиб тогда. Поэтому и еще потому, что рядом был Миллер с пистолетом. Но та связь, даже теперь, когда они с Наоми стали любовниками, представлялась бледной тенью в сравнении с силой, подстегивавшей Пракса. И от этого Холдену чудилось, что он незаметно потерял что-то важное.

Пока Пракс мылся, Холден поднялся по трапу в рубку, где Наоми пыталась взломать искалеченную систему безопасности Ганимеда. Холден вытащил подругу из кресла и на минуту прижал к себе. Она удивленно дернулась и тут же обмякла в его объятиях, шепнув ему на ухо: «Эй!» Мелочь – но эта мелочь была ему сейчас чертовски необходима!

* * *

На пересечении коридоров Пракс задерживался, хлопая себя по бедру, словно поторапливая. Наоми осталась на корабле, следила за их продвижением по прицепленным к каждому маячкам и через сохранившиеся камеры наблюдения.

Амос за плечом у Холдена кашлянул и шепнул так, чтобы Пракс не услышал:

– Если мы потеряем парня, назад дорогу не скоро найдем.

Холден согласно кивнул. Даже в лучшие времена Ганимед представлял собой серый лабиринт коридоров с редкими кавернами-парками. А сейчас для него настали нелучшие времена. Большая часть справочных будок стояли без света: сломались сами или с чьей-то помощью. Сетевые указания в лучшем случае были ненадежны. А местные жители, словно шайки мародеров, рыскали по трупам великой некогда луны, то сами пугаясь, то пугая других. Холден с Амосом не прятали оружия, и, кроме того, Амос излучал угрозу, которая сразу подсказывала встречным: с ним лучше не связываться. Холден не впервые задумался, что за жизнь вел его механик, прежде чем завербовался на «Кентербери» – старую водовозную баржу, где они познакомились.

Пракс остановился у двери, неотличимой от сотен других дверей, оставшихся позади. И серый коридор был точным подобием других серых коридоров.

– Вот. Он здесь.

Холден не успел ответить: Пракс уже барабанил в дверь. Чтобы видеть дверной проем, Холден отступил назад и в сторону. Амос шагнул в противоположном направлении, поудобнее перехватил ящик с курятиной левой рукой, а правую зацепил большим пальцем за пояс, совсем рядом с кобурой. Год патрулирования Пояса, зачистки его от шакалов, расплотившихся в период безвластия, вбил в команду некоторые рефлексy. Ценное приобретение, хотя вряд ли во вкусе Холдена. Жизнь Миллера работа в службе безопасности явно не украсила.

Дверь распахнул тощий, голый по пояс подросток с большим ножом в руке.

– Какого х!.. – начал он и осекся, увидев прикрывающих Пракса с флангов Холдена и Амоса. Оглядев их пистолеты, мальчишка протянул: – Ого!

– Я принес тебе курятину, – произнес Пракс, указав на коробку под мышкой у Амоса. – Мне нужно просмотреть остальные записи.

– Я бы сама справилась, – шепнула в ухо у Холдена Наоми, – дай только время.

– Все дело во времени, – еле слышно проговорил в микрофон Холден. – Оставим это как запасной вариант.

Тощий парнишка передернул плечами и во всю ширь распахнул дверь, приглашая Пракса войти. Холден последовал за ними, сзади его прикрывал Амос.

– Ну, – потребовал мальчишка, – покажь, сабе?

Амос опустил коробку на грязный стол и, вытащив одну банку, дал парню рассмотреть этикетку.

– А соус? – спросил тот.

– Бери взамен вторую банку, – предложил Холден, с миролюбивой улыбкой подходя к нему. – Ну, покажи запись дальше – и мы от тебя отстанем. Подходит?

Мальчишка вздернул подбородок и оттолкнул Холдена на вытянутую руку.

– Ты на меня не дави, мачо.

– Извиняюсь. – Улыбка Холдена не дрогнула. – Ну, давай те чертовы записи, что обещал нашему другу.

– Может, и не дам. – Мальчишка махнул рукой на Холдена. – Адинерадо, си но? Квизас, у тебя есть, чем платить. Не одна курятина.

– Не понял, – отозвался Холден. – Ты нам отказываешь? Это было бы...

Тяжелая лапа легла ему на плечо и отодвинула в сторону.

– С этим я разберусь, кэп, – сказал Амос, шагнув между Холденом и парнем. Одной рукой механик легко подбрасывал и ловил банку курятины. – У него, – заговорил он, указывая на Пракса правой рукой, а левой продолжая жонглировать банкой, – украли ребенка. Он просто хотел узнать, где его малыш. И согласился платить за информацию, сколько ты запросил.

Парень пожал плечами и хотел что-то сказать, но Амос прижал палец к губам, остановив его.

– А теперь, когда он принес условленную плату, – тоном дружеской беседы продолжал механик, – ты задумал стрясти с него побольше. Он ведь в отчаянном положении, он все отдаст, чтобы дочку вернуть. Вот ты и учуял поживу, так?

Парень снова дернул плечом:

– Кве но...

Консервная банка ударила хакера в лицо так стремительно, что Холден не сразу понял, почему парень вдруг оказался на полу, заливаясь кровью из носа. Амос прижал упавшего коленом к полу. Банка поднялась и опустилась ему на лицо с отчетливым треском. Парень взвыл, но Амос тотчас зажал ему рот свободной рукой.

– Ты, говнюк, – заорал он, утратив всякое подобие дружелюбия, сменившегося звериной яростью, – задумал продать маленькую девочку за банку курятины?

Он вмазал хакеру банкой по уху, которое тотчас расцвело красным. Ладонь освободила рот избитого, и тот завопил, призывая на помощь. Амос снова занес консервную банку, но Холден вцепился ему в руку и оттащил подальше.

– Хватит, – приказал он, гадая, как быть, если великан-механик и его ударит жестянкой. Амос вечно ввязывался в трактирные драки забавы ради.

Сейчас он не шутил.

– Хватит, – повторил Холден. Он вцепился Амосу в локоть и держал, пока Амос не перестал вырываться. – Чем он поможет, если ты ему мозги вышибешь?

Мальчишка проворно отполз назад и оперся плечом о стену. В такт словам Холдена он кивал, зажимая пальцами разбитый нос.

– Ну как? – спросил Амос. – Готов помочь?

Парень еще раз кивнул и кое-как поднялся, цепляясь за стену.

– Я пойду с ним, – сказал Холден, похлопывая Амоса по плечу, – а ты лучше останься здесь, отдышись.

Не дожидаясь ответа, он ткнул пальцем в перепуганного хакера:

– Берись за работу.

* * *

– Вот, – заговорил Пракс, когда на видео снова возникла сцена похищения. – Это Мэй. Мужчина – ее врач, доктор Стрикланд. Женщину я не знаю, но учительница Мэй сказала, что в их базе она значилась матерью Мэй. С фото и подтверждением личности. У них все меры безопасности были отработаны, просто так они бы никогда ребенка не отдали.

– Найди, куда они ушли, – велел Холден хакеру и обратился к Праксу: – Почему врач?

– Мэй... – Пракс осекся и начал сначала: – У Мэй редкое генетическое заболевание, без постоянного лечения отказывает иммунная система. Доктор Стрикланд об этом знал. Пропали еще шестнадцать детей с тем же заболеванием. Он мог... он может сохранить Мэй жизнь.

– Приняла, Наоми?

– Да, проследила хакера в системе. Он нам больше не понадобится.

– Хорошо, – отозвался Холден, – потому что этот мост, ручаюсь, сгорит, едва мы выйдем за дверь.

– Можно раздобыть еще курятины, – хмыкнула Наоми.

– Стараниями Амоса парню теперь нужнее пластическая операция.

Наоми ахнула.

– Он в порядке?

Холден не сомневался, что она волнуется за Амоса.

– Да, но... может, я о нем чего-то не знаю? Видишь ли, он... – Акви, – прервал их хакер, указав на экран. Холден увидел, как доктор Стрикланд несет Мэй по старому на вид коридору. Темноволосая женщина шла за ними. Дверь, у которой они остановились, походила на старинный шлюзовый люк. Стрикланд проделал что-то с расположенной рядом панелью – и все трое скрылись внутри.

– Дальше глаз нет, – проныл хакер, съежившись, словно боялся кары за недостатки системы наблюдения.

– Наоми, куда ведет эта дверь? – спросил Холден, успокаивающе водя рукой по воздуху.

– Похоже на старый тоннель, первого периода освоения. – Слова Наоми разделялись паузами, будто она продолжала работать в своей системе. – Они отведены под свалку. Дальше должны быть только пыль и лед.

– Провести нас туда сумеешь? – спросил Холден.

Пракс ответил «да» в один голос с Наоми.

– Тогда идем туда.

Жестом он предложил Праксу с хакером первыми пройти в переднюю. Амос сидел за столом, вращая консервную банку на ребре, как монетку. В слабом притяжении спутника она могла крутиться так целую вечность. Взгляд механика был рассеянным и непроницаемым.

– Ты свою работу сделал, – обратился Холден к юнцу, который уставился на Амоса, кривясь от сменявших друг друга страха и злобы.

Не дав мальчишке ответить, Амос встал и, подняв коробку, вывалил оставшиеся банки на стол, с которого часть раскатилась по углам комнатухи.

– Сдачу оставь себе, засранец, – буркнул он, швырнув опустевшую коробку в крошечный кухонный уголок.

– А теперь, – сказал Холден, – мы уходим.

Пропустив вперед Амоса и Пракса, он попятился к двери, пристально приглядывая за парнем, чтобы тот не вздумал отомстить. Напрасно беспокоился. Едва Амос шагнул за дверь, мальчишка кинулся собирать и складывать на стол раскатившиеся банки.

Уже в коридоре Холден услышал голос Наоми:

– Ты понимаешь, что это значит?

– Что «это»? – ответил он и бросил Амосу: – Обратно на корабль.

– Пракс сказал: пропали все дети, страдавшие тем же заболеванием, что его Мэй, – объяснила Наоми, – а из группы ее забрал врач.

– Можно допустить, что и остальных детей забрал он или его люди, – согласился Холден.

Амос с Праксом рядом шли по коридору. Механик все еще пребывал где-то далеко отсюда. Пракс тронул его за рукав, прошептал: «Спасибо». Амос только плечами пожал.

– Зачем ему эти дети? – спросила Наоми.

– Меня больше интересует, как он догадался забрать их перед самым началом стрельбы?

– Да, – тихо проговорила Наоми, – да, интересно – как? – А так – что он сам и вызвал всю заваруху, – вслух высказал Холден мысль, которая пришла в голову обоим.

– Если детей украл он и он же или его сообщники спровоцировали войну между Землей и Марсом, чтобы прикрыть похищение...

– Начинает походить на известную нам тактику, а? Надо узнать, что скрывается за той дверью.

– Одно из двух, – предположила Наоми. – Или ничего, потому что после похищения они во всю прыть дернули с этой луны...

– Или, – закончил Холден, – целая команда вооруженных парней.

– Угу.

* * *

На камбузе «Лунатика», где Пракс и команда Холдена заново просматривали видеозапись, было тихо. Наоми собрала все фрагменты, относящиеся к похищению Мэй, в одну длинную петлю. Они видели, как врач несет девочку по коридорам, к лифту и, наконец, к люку в заброшенной части станции. После третьей прокрутки Холден знаком попросил Наоми остановить запись.

– Так что нам известно? – спросил он, барабанив пальцами по столу.

– Малышка не боится. Не вырывается у него, – заметил Амос.

– Она всю жизнь знает доктора Стрикленда, – объяснил Пракс. – Он для нее почти как родной.

– А значит, его купили, – сказала Наоми, – или же этот план родился...

– Четыре года назад, – подсказал Пракс.

– Четыре года назад, – повторила она. – Чертовски долгая партия. Ставки должны быть высоки.

– Это похищение. Если им нужен выкуп?..

– Не вяжется. Через пару часов после того, как Мэй оказалась за этим люком, – сказал Холден, указывая на застывший кадр, – Земля с Марсом принялись палить друг по другу. Кто-то приложил уйму трудов, чтобы сграбастать шестнадцать малышей и скрыть это.

– Если бы «Протоген» не сгорел, – вставил Амос, – я бы сказал, что такое дерьмо как раз по ним.

– И еще те, кто это затеял, располагают приличными техническими ресурсами, – добавила Наоми. – Они сумели взломать школьную систему безопасности еще до того, как война ее подорвала. Поместили в досье Мэй сведения на ту женщину и следов не оставили.

– В ее группе были дети очень богатых и влиятельных родителей, – сказал Пракс. – Охрана по высшему классу.

Холден обеими руками отстукал по столу финальную дробь и заговорил:

– Все это возвращает нас к главному вопросу: что мы найдем по ту сторону двери?

– Наемников корпорации, – ответил Амос.

– Пустоту, – ответила Наоми.

– Мэй, – тихо сказал Пракс. – Там может быть Мэй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.